

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия

Актуальные проблемы частного права

*Материалы всероссийской
научно-практической конференции
(23 мая 2021 г.)*

Омск 2021

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

*Материалы
всероссийской научно-практической конференции
(23 мая 2021 г.)*

Омск
ОМА МВД России
2021

УДК 347 (08)
ББК 67Я23
А43

Редакционная коллегия:

Л. М. Алтынбаева — кандидат юридических наук; *А. Н. Жданова* — кандидат юридических наук (*заместитель председателя*); *К. В. Карпов* — кандидат юридических наук, доцент (*председатель*); *С. В. Лебедев* (*ответственный секретарь*) *А. Д. Светличный* — кандидат юридических наук; *Д. А. Тоточенко* — кандидат юридических наук, доцент

Актуальные проблемы частного права : мат-лы всероссийской научно-практической конференции / пред. редкол. К. В. Карпов. — Омск : Омская академия МВД России, 2021. — 1 DVD-ROM. — Систем. требования: ПК с процессором Intel с частотой не менее 2ГГц ; 2 Гб оперативной памяти ; дисковод DVD-ROM ; операционная система Windows 7 и выше ; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше. — Загл. с титул. экрана. — Текст : электронный.

ISBN 978-5-88651-779-8

В сборнике публикуются доклады и сообщения участников конференции по актуальным теоретическим и практическим проблемам гражданского, жилищного, семейного, земельного, экологического, предпринимательского права.

Издание предназначено для профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников, адъюнктов и курсантов образовательных организаций МВД России.

УДК 347 (08)
ББК 67Я23

ISBN 978-5-88651-779-8

© Омская академия МВД России, 2021

И. И. Алгазин

Отдельные особенности возмещения вреда, причиненного транспортным средством

Причинение вреда в результате дорожно-транспортного происшествия на сегодняшний день остается наиболее распространенным видом деликта. На современном этапе развития законодательства остается еще достаточно много нерешенных проблем в этой области. Об этом свидетельствует проведенный нами анализ решений судов, где в качестве источника повышенной опасности выступала деятельность по использованию (эксплуатации) транспортного средства. Практика рассмотрения подобных споров в судах довольно противоречива. М. А. Бажина, В. В. Голдаев утверждают, что на практике многое зависит от субъективного решения конкретного судьи в связи с отсутствием единого подхода по всем вопросам применения ст. 1079 ГК РФ [1, с. 3].

Необходимо отметить, что вред считается причиненным транспортным средством, если он явился результатом его действия или проявления его вредоносных свойств. В противном случае вред возмещается на общих основаниях.

Возникает много вопросов по поводу того, что следует понимать под вредоносными свойствами. Можно ли относить к таковым только скорость автомобиля либо это также и иные свойства, например, значительный вес, габариты, выхлопные газы, ядовитые жидкости.

Следует ли рассматривать, например, отравление человека выхлопными газами как вред, причиненный источником повышенной опасности? Так, по одному из дел было установлено, что смерть военнослужащего Н. произошла от отравления выхлопными газами автомобиля, сконцентрированными в закрытом помещении. Суд не признал в этой ситуации автомобиль источником повышенной опасности.

Решающую роль при рассмотрении судами указанных дел сыграло отсутствие второго признака источника повышенной опасности — невозможности полного контроля за проявлением вредоносного свойства [2].

Позволим себе не согласиться с тем, что в случае с отравлением выхлопными газами автомобиля указанный выше признак отсутствует. Ведь в какой-то момент ситуация на самом деле вышла из-под контроля, раз это привело к столь тяжким последствиям. Выхлопные газы при высокой концентрации становятся такими же опасными, как и сильнодействующие яды. Таким образом, как и передвижение на автомобиле, оставление автомобиля с работающим двигателем также следует рассматривать в отдельных случаях (например, в закрытом помещении) как деятельность, представляющую опасность для окружающих.

Возникают разногласия и по поводу признания транспортного средства источником повышенной опасности в ситуации, когда оно находилось на дороге в неподвижном состоянии с заведенным двигателем. В отдельных случаях суды возлагают ответственность на владельца транспортного средства, если оно стояло на остановке общественного транспорта с включенным двигателем, что подтверждается примерами из судебной практики [3].

Между тем по поводу признания источником повышенной опасности автомобиля, который находится на дороге в неподвижном состоянии с заведенным двигателем, не все так однозначно. Так, К. В. Матвеев утверждает, что «автомобиль, который находится на дороге в неподвижном состоянии, не является источником повышенной опасности, поскольку в это время не находят своего проявления его специфические вредоносные свойства, которые бы не были подконтрольны человеку» [4, с. 85].

Мы не согласны с приведенной позицией. В качестве аргумента приведем следующий пример. Автомобиль резко затормозил, прекратив движение (в результате поломки либо по иным причинам). Другой автомобиль, избегая аварии, совершает маневр и сбивает на тротуаре пешехода либо допускает столкновение с впереди стоящим автомобилем. Транспортное средство было без движения, но находилось на дороге, создавая опасность для других участников дорожного движения.

С. Н. Абрамов и А. Ф. Попов утверждают: «Автомобиль, являясь сложным техническим устройством, представляет собой комплексный источник повышенной опасности независимо от того, движется он или нет» [5, с. 8]. Они аргументируют свое мнение наличием в автомобиле вредных химических веществ, таких как бензин, масло, щелочь и др. И вполне возможно вытекание этих веществ и причинение вреда здоровью окружающих и окружающей среде, а также и воспламенение

бензина. К этому следует добавить случаи возгорания из-за замыкания проводки, которые происходят не так уж и редко.

М. Д. Егоров утверждал, что транспортные средства признаются источником повышенной опасности из-за того, что они представляют собой объекты, которые характеризуются значительной скоростью движения, мгновенная остановка которых невозможна, что и создает повышенную опасность для окружающих [6, с. 5].

Как считают К. Э. Завсеголова, М. Е. Шебеко, для транспортного средства наличие такого признака, как невозможность мгновенной остановки, является одним из главных для его причисления к источнику повышенной опасности [7, с. 132]. Есть решения судов, где они признают транспортное средство, находящееся без движения, источником повышенной опасности. Красноярский краевой суд в апелляционном определении указал: «Учитывая, что в момент ДТП автомобиль, принадлежащий Б., был припаркован у торца жилого дома, заглушен и не двигался в момент наезда на него автомобиля под управлением С., при этом Б. отсутствовал на месте ДТП. Судебная коллегия полагает, что автомобиль Б. в момент ДТП не являлся источником повышенной опасности, поскольку, находясь без движения, с заглушенным двигателем, не создавал повышенную вероятность причинения вреда вследствие невозможности полного контроля и не проявлял вредоносных свойств» [8].

Судебные инстанции, аргументируя свое решение по поводу отказа признания источником повышенной опасности при его возгорании, указывают, что транспортное средство создает повышенную опасность только при непосредственном движении (его эксплуатации по прямому назначению), т. е. когда возникают его вредоносные свойства. Значит, относить его к источникам повышенной опасности при заведенном двигателе в состоянии покоя неверно, это противоречит предписаниям ст. 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации, которая связывает повышенную опасность именно с деятельностью такого источника в целом, а не отдельных его частей и агрегатов [9].

Таким образом, логика рассуждений сторонников того, что неподвижное транспортное средство не служит источником повышенной опасности, сводится к следующему: неподвижное транспортное средство не является источником повышенной опасности, поскольку в это время не находят своего проявления его специфические вредоносные свойства, которые неподконтрольны человеку. Без движения транспортное средство ничем не отличается от других неопасных матери-

альных объектов, а деятельность по использованию недвижимого транспортного средства не представляет собой деятельность, создающую повышенную опасность для окружающих.

Сложно не согласиться с подобной аргументацией. Однако давайте представим следующую ситуацию. После нескольких часов простоя автомашины на дороге ручной тормоз ослаб, колодки перестали держать диски, и машина покатила под уклон. Причем так неудачно, что задела оставленный рядом чужой автомобиль. Самопроизвольное движение автомобиля обычно относится к ДТП, причиной которого является нарушение автомобилистом п. 12.8 Правил дорожного движения. В соответствии с этим водитель должен, прежде чем покинуть транспортное средство, исключить возможность самопроизвольного движения автомобиля.

Таким образом, учитывая, что в последние годы появилось много новых технических средств, которые могут считаться источниками повышенной опасности, а также в связи с тем, что практика рассмотрения подобных споров в судах довольно противоречива, считаем, что назрела необходимость в разработке и принятии на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ разъяснений по поводу отдельных положений ст. 1079 ГК РФ. Следует обратить внимание прежде всего на самый распространенный источник повышенной опасности — транспортное средство.

Целесообразно указать, что транспортное средство, даже если оно не находится в движении, в отдельных случаях может признаваться источником повышенной опасности.

Список источников

1. *Бажина М. А., Голдаев В. В.* Ответственность владельцев транспортных средств за вред, причиненный третьим лицам // Транспортное право. 2020. № 3.

2. *Кулешов Г. В.* Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности // Право в Вооруженных Силах. 2008. № 3.

3. *Решение* Куйбышевского районного суда г. Омска от 6 июля 2018 г. по делу № 2-2157/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. *Матвеев К. В.* Условия наступления ответственности воинской части за вред, причиненный в результате дорожно-транспортного происшествия // Право в Вооруженных Силах. 2000. № 4.

5. *Абрамов С. Н., Попов А. Ф.* Источник повышенной опасности: проблемы понятийного аппарата // Законодательство. 2004. № 1.

6. *Егоров Н.* Понятие источника повышенной опасности // Советская юстиция. 1980. № 11.

7. *Завсеголова К. Э., Шебеко М. Е.* Понятие транспортного средства как объекта гражданского права // Результаты современных научных исследований и разработок : сб. статей IV международной науч.-практ. конф. : в 2 ч. Пенза, 2018.

8. *Апелляционное* определение Красноярского краевого суда от 9 февраля 2015 г. по делу № 33-1095/2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. *Апелляционное* определение Свердловского областного суда от 7 июня 2012 г. № 33-6446/2012. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Л. М. Алтынбаева

Проблемы, возникающие при применении п. 6 ст. 132 ГПК РФ

В 2019 г. в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — ГПК РФ) были внесены изменения, согласно которым истец должен самостоятельно направлять исковое заявление и документы лицам, участвующим в деле. Безусловно, для суда это положительная новелла, так как данные изменения освободили его от обязанности направлять судебную корреспонденцию другим лицам, участвующим в деле, перед предъявлением иска в суд. Эти обязанности были возложены на лиц, обращающихся за судебной защитой. Большинство ученых восприняли эти изменения положительно. Так, С. К. Загайнова считает, что возложение на истца обязанности по направлению противоположной стороне копий документов до предъявления их в суд позволит сэкономить время и освободит суд от несвойственных ему функций [1, с. 247].

И. А. Хасашин также отмечает, что закрепление в законе обязанности лиц, обращающихся в суд, самостоятельно направлять другим лицам копии документов является процессуальной гарантией, обеспечивающей оперативное движение дела, поскольку предоставляет возможность участникам процесса ознакомиться с документами в кратчайшие сроки, что в дальнейшем позволит судье эффективнее проводить судебное заседание [2, с. 19-20]. В юридической литературе отмечается

также, что направление истцом ответчику копий искового заявления и документов, приложенных к нему, позволяет существенно сократить государственные расходы на почтовые отправления [3, с. 31].

Но есть и противоположные мнения. Например, Д. А. Туманов и С. А. Алехина обращают внимание на то, что правило, предусмотренное п. 6 ст. 132 ГПК РФ, для социально незащищенных категорий общества будет существенно усложнять порядок обращения в суд [4, с. 20].

На наш взгляд, формулировка, изложенная в рассматриваемой статье, вызывает некоторые вопросы в практике ее применения.

Так, согласно п. 6 ст. 132 ГПК РФ к исковому заявлению прилагаются: уведомление о вручении или иные документы, подтверждающие направление другим лицам, участвующим в деле, копий искового заявления и приложенных к нему документов, которые у других лиц, участвующих в деле, отсутствуют.

На практике получается, что достаточно направить письмо заинтересованному лицу и предоставить в суд квитанцию об этом. А получит его адресат или нет, уже никого не интересует. Кроме того, по почтовой квитанции нельзя определить, что конкретно было вложено истцом в конверт.

На наш взгляд, правильным было бы надлежащее извещение участника судебного разбирательства в виде получения пакета документов, с уведомлением, засвидетельствованным собственноручной подписью участника спора.

Постановление Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 9 декабря 2002 г. № 11 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации», согласно которому, обращаясь с иском в арбитражный суд, истец в соответствии с ч. 3 ст. 125 Кодекса обязан направить другим лицам, участвующим в деле, копии искового заявления и прилагаемых к нему документов заказным письмом с уведомлением о вручении. Согласно п. 1 ст. 126 Кодекса к исковому заявлению должны быть приложены уведомление о вручении или иные документы, подтверждающие такое направление.

Появившееся в гражданском судопроизводстве правило представлять истцу уведомление о вручении искового заявления ответчику не повлекло внесения дополнительных разъяснений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 62 применительно к гражданскому процессу.

По нашему мнению, при применении п. 6 ст. 132 ГПК РФ следует требовать от истца направлять судебную корреспонденцию другим лицам, участвующим в деле, по аналогии с Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации, заказным письмом с уведомлением о вручении. Это позволит защитить права заинтересованных лиц, в отношении которых подано исковое заявление.

Список источников

1. *Загайнова С. К.* Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе. М., 2007.
2. *Хасашин И. А.* Реализация процессуальных гарантий в стадии возбуждения дела в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 4.
3. *Крайнова Е. Р.* Направление копий апелляционной жалобы сторонам по гражданскому делу: ретроспективный, действующий и перспективный аспекты // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 11.
4. *Туманов Д. А., Алехина С. А.* О некоторых тенденциях развития гражданского процессуального права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 3.

Л. М. Алтынбаева, Е.С. Квасников

Охрана труда несовершеннолетних

Трудовая деятельность человека считается фундаментальной частью жизнедеятельности на всех этапах развития общества. Занятость населения адаптируется к современным реалиям жизни, а субъектный состав работающих расширяется. Вместе с этим появляются все новые нерешенные проблемы в сфере обеспечения охраны труда, охватывающего всех ее участников.

Следует отметить, что наряду с появлением новых форм занятости, увеличением свободы людей в выборе профессии в условиях рыночной экономики, распространением рынка удаленного труда, особое внимание должно уделяться относительно незащищенному звену в этом составе — несовершеннолетним, поскольку они в силу возраста, физиологического и социального развития в большей степени подвержены влиянию взрослых, являются малоорганизованными и чаще подвергаются эксплуатации.

Безопасным условиям труда несовершеннолетних уделяется внимание на глобальном уровне. Так, Конвенция о запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда, наряду с запретом использования рабского труда, вовлечения ребенка в занятие проституцией или иной противоправной деятельностью, исключает условия работы, которые могла бы нанести вред здоровью, безопасности или нравственности детей.

В Российской Федерации существует множество нормативных положений, направленных на обеспечение труда несовершеннолетних в условиях безопасности и гигиены с акцентом на сохранение их физического и нравственного здоровья (содержащихся в Трудовом кодексе РФ, постановлении Правительства РФ от 25 февраля 2000 г. № 163 «Об утверждении Перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда лиц моложе восемнадцати лет», Законе РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» и др.). Однако вопрос обеспечения охраны труда несовершеннолетних в большей степени связан с соблюдением данных положений.

Работодатели могут злоупотреблять своим положением (от экономии средств — пенсионных взносов, уплаты налогов — до нежелания нести бремя ответственности за работника) ввиду возраста, правовой неграмотности и неопытности несовершеннолетнего работника, например, в сфере оформления должным образом трудовых отношений и, следовательно, со всеми вытекающими последствиями: невыполнение или лишь частичное выполнение мероприятий по охране труда; невыплата или несвоевременная выплата заработной платы в надлежащем объеме; эксплуатация труда несовершеннолетних сверх установленной нормы рабочего времени и др.

Другой проблемный момент связан с нетипичностью трудовых отношений на современном рынке труда, характеризующихся нетрадиционной занятостью населения, в том числе samozанятостью.

Как известно, samozанятость связана с уменьшением налоговой нагрузки на граждан, которые оказывают услуги заказчику, устанавливая их цену и порядок их осуществления. Классические стороны, как в трудовом договоре (работник и работодатель), в сфере samozанятости отсутствуют, а заказчик не лежит обязанность, установленная трудовым законодательством по обеспечению требований охраны труда.

Тем не менее несовершеннолетние граждане обладают легитимной возможностью зарегистрироваться в качестве самозанятых, например, в случаях: вступления в брак и приобретения дееспособности в полном объеме; объявления несовершеннолетнего полностью дееспособным (эмансипация) по решению органа опеки и попечительства либо по решению суда; наличия письменного согласия родителей либо иных законных представителей на совершение сделок и др.

Мы видим, что кроме общей проблемы обеспечения безопасности деятельности самозанятых возникает специфическая проблема охраны труда несовершеннолетних самозанятых, ведь, во-первых, деятельность по оказанию услуг по своей природе является трудом, во-вторых, возрастной критерий несовершеннолетних является преимущественным фактором уделения особого внимания их трудовой деятельности, и в частности — охране их труда.

Относительно решения проблемы ненадлежащего оформления трудовых отношений с несовершеннолетними и охраны их труда в юридической литературе имеют место справедливые, на наш взгляд, мнения о необходимости повышения эффективности работы контролирующих органов; ужесточения санкций к нарушившим закон работодателям; использования поощрительных мер для работодателей, у которых трудятся несовершеннолетние [2, с. 197]; использования мер правовой пропаганды в учебных заведениях; развития правовой грамотности несовершеннолетних [3, с. 141]. Реальное выполнение данных мероприятий вполне осуществимо.

Однако открытым остается вопрос, касающийся охраны труда самозанятых несовершеннолетних. В настоящий момент какой-либо законодательный механизм обеспечения безопасности деятельности самозанятых, по сути, отсутствует. Вместе с тем, учитывая, что в любой сфере трудовой деятельности в целях сохранения жизни и здоровья должны проводиться мероприятия по охране труда, а сферы деятельности, где самозанятые несовершеннолетние оказывают свои услуги, могут быть преимущественно опасны для их жизни или здоровья. Даже полностью дееспособные несовершеннолетние фактически остаются детьми, к которым необходим особый подход в трудовой деятельности, направленный на сохранение их физического и нравственного здоровья.

Обозначенная проблема, на наш взгляд, должна стимулировать законодателя на урегулирование вопросов охраны труда самозанятых лиц, с учетом особенностей обеспечения безопасности деятельности самозанятых несовершеннолетних.

Список источников

1. Конвенция о запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда // Принята на 87-й сессии Генеральной конференции Международной организации труда. Женева, 1 июня 1999 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Меркушева А. М., Измайлов З. А. Проблемы охраны труда несовершеннолетних граждан в Российской Федерации // Синергия наук. 2020. № 52.

3. Ларшина В. С., Рузаева Е. М. Охрана труда несовершеннолетних // Национальное гуманитарное знание : сб. науч. тр. Центр научных исследований «Интерплэй». Ростов н/Д, 2019.

С. А. Анохин

Внедоговорные основания приобретения права собственности на земельные участки

Возникновение права собственности на землю из актов органов государственной власти и местного самоуправления является одним из наиболее распространенных внедоговорных оснований возникновения прав на землю. Данное основание имеет ряд отличий от договора и иных оснований. Главным отличием можно назвать наличие у одного из субъектов властных полномочий по отношению к другим участникам правоотношений. Еще одно отличие связано с отсутствием согласованности воли субъектов земельных правоотношений во внедоговорных отношениях. Последнее отличие заключается в том, что возможность участия определенных категорий субъектов в таких правоотношениях предопределяется нормами права. Именно эти отличия позволяют выделить правоотношения, возникающие из актов органов государственной власти и местного самоуправления, в особую группу — административные основания получения земельных участков на праве собственности [1, с. 169].

Если участником земельных правоотношений получено извещение от собственника о намерении продать принадлежащую участнику долю, но покупать ее последний не планирует, он может проигнорировать извещение (п. 2 ст. 250 ГК РФ). Если в течение месяца со дня извещения субъект не приобретет продаваемую долю, это будет означать, что он отказался от покупки. Кроме того, можно направить письменное уведомление об отказе от преимущественного права покупки. Это, в частности, дает право продавцу продать долю любому лицу до истечения месячного срока (при условии, что он получит отказы от всех сособственников).

Если субъект осуществляет предпринимательскую деятельность и отказался от преимущественного права любым из способов, то передумать он уже не сможет. Исключение составляют случаи, когда аналогичные обстоятельства наступили вновь или когда иное предусмотрено правовым актом (пп. 6, 7 ст. 450.1 ГК РФ). Например, если продавец вновь направит извещение, но уже с другой ценой или иными условиями продажи. Тогда субъект опять будет вправе реализовать преимущественное право покупки.

Гражданский кодекс РФ это прямо не регулирует. Тем не менее можно рекомендовать придерживаться следующего порядка.

Подготовить уведомление об отказе. Можно удостоверить отказ у нотариуса либо составить его в простой письменной форме. Преимущество нотариально удостоверенного отказа в том, что дополнительно подтверждать его не придется. В случае с простым письменным отказом нотариус, который будет оформлять продажу доли, для обеспечения законности сделки вправе отложить нотариальное действие и направить запрос об отсутствии возражений против его совершения.

Если участник правоотношений готовит отказ самостоятельно, рекомендуется указать в нем:

- фирменное наименование, ИНН, ОГРН и адрес (для юрлица) или полное имя и данные документа, удостоверяющего личность (для физлица);
- заявление об отказе от преимущественного права покупки доли (важно, чтобы отказ был выражен недвусмысленно);
- сведения о земельном участке: кадастровый номер, адрес и пр.;
- цену и другие условия продажи из извещения, которое вам направил собственник, с указанием реквизитов этого извещения. Нотариус при удостоверении договора продажи будет проверять, соответствует ли содержание простого письменного отказа условиям, указанным в извещении, поэтому важно, чтобы между ними не было расхождений.

Направить отказ продавцу доли. При этом нужно соблюдать требования к способу и адресу направления юридически значимых сообщений. Например, можно направить его заказным письмом с описью вложения и соответствующим уведомлением о вручении по адресу юридического лица, указанному в ЕГРЮЛ [2, с. 112].

Приобретение внедоговорных оснований права связано с завладением участком земли. Если в течение длительного времени не использовать земельный участок, то это приведет к ухудшению состояния плодородного слоя почвы [3, с. 39]. Как правило, появляется заинтересованное лицо, желающее пользоваться участком земли. В этом случае происходит до-

стижение общих социальных интересов и включение земельных участков в оборот.

Предоставление земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, в собственность граждан и юридических лиц осуществляется как на платной основе, так и бесплатно в случаях, предусмотренных Земельным кодексом РФ, федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации [4, с. 35].

Заявление о постановке объекта на кадастровый учет и все необходимые документы, в том числе и о межевании территории земельного участка, заинтересованное лицо может подать в Департамент городского имущества по фактическому расположению земельного участка [5, с. 143].

Законодательством установлен принцип единства судьбы земельного участка и расположенного на нем объекта недвижимости. При переходе права собственности на дом переходит также право собственности на земельный участок, занятый таким домом и необходимый для его целевого использования (пп. 5 п. 1 ст. 1 ЗК РФ; ст. 273, п. 2 ст. 552 ГК РФ).

Вместе с обязанностью в ряде случаев известить других собственников действующее законодательство предусматривает и иные требования. В частности, они касаются формы сделки.

Каким бы способом ни отчуждалась доля на недвижимость, по общему правилу, договор нужно удостоверить у нотариуса. Это не является обязательным только в ряде случаев, например, если все участники долевой собственности отчуждают свои доли по одной сделке (ч. 1.1 ст. 42 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости»). В остальном соблюдаются те же требования, которые предъявляются к сделкам с недвижимостью.

В большинстве случаев долю в праве общей долевой собственности на недвижимость отчуждают по договору купли-продажи. В нем обязательно нужно указать цену доли. Это требование для любых договоров продажи недвижимости (ст. 550, п. 1 ст. 555 ГК РФ). В виде одного документа, подписанного сторонами, следует оформлять и договор мены, поскольку к нему, по общему правилу, применяются правила купли-продажи (ст. 550, п. 2 ст. 567 ГК РФ). Если участник правоотношений собирается безвозмездно передать долю другой организации, учитывается порядок, по которому передается в собственность и сам объект недвижимости.

Собственник жилого дома должен платить налог на имущество физических лиц (ст. 400, пп. 1 п. 1 ст. 401 НК РФ) [6, с. 37].

Обязательства вследствие неосновательного обогащения, о которых идет речь в статье, относятся к числу внедоговорных обязательств. Осно-

ванием для их возникновения служит сам факт приобретения или сбережения имущества без установленных законом иных правовых актов.

Список источников

1. Багаев В. А. Значение добросовестности владения для приобретательной давности // Закон. 2013. № 12.

2. Бетхер В. А. Самовольное создание и изменение объектов недвижимости в Российской Федерации (гражданско-правовой аспект): монография. М., 2017.

3. Иванов А. А. О презумпции права государственной собственности на землю в России // Закон. 2016. № 6.

4. Тоточенко Д. А. О признании права собственности на земельные участки в силу приобретательной давности // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. № 8.

5. Жмурко С. Е. Земельные участки и строения: вступление в права владения. Вып. 10. М., 2019.

6. Зобова Е. П. О расходах на приобретение права на земельные участки // Налог на прибыль: учет доходов и расходов. 2019. № 8.

7. Барбашова Т. П., Майстренко А. Г. Земля как социальное благо для многодетной семьи // Семейное и жилищное право. 2017. № 6.

Д. А. Белецкий

Право автора на неприкосновенность произведения

Действующее законодательство относит право автора на неприкосновенность произведения к личным неимущественным правам, имеющим бессрочный характер. Норма, закрепляющая право на неприкосновенность, претерпела значительные изменения по сравнению с редакцией, изложенной в Законе РФ «Об авторском праве и смежных правах» 1993 г. [1].

Пункт 1 ст. 1266 Гражданского кодекса Российской Федерации предоставляет автору право на неприкосновенность произведения путем запрета на внесение в произведение без согласия автора изменений, сокращений и дополнений, снабжение произведения при его использовании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями или какими бы то ни было пояснениями. Законодатель охраняет произведение от любых контекстуальных изменений, а также извращений, искажений или иных изменений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию автора произведения [2, с. 31].

Относительно действующей редакции данной нормы Д. А. Медведев отмечает, что она направлена на защиту личного неимущественного права авторов и по своему содержанию это право шире, чем закрепленное в Законе РФ «Об авторском праве и смежных правах» 1993 г. право на защиту репутации автора, и в большей мере способно защитить интересы авторов [3, с. 20].

В статье 1267 ГК РФ установлено право автора указать лицо, на которое он возлагает охрану авторства, имени автора и неприкосновенности произведения после своей смерти, данное лицо осуществляет свои полномочия пожизненно. В случае отсутствия таких указаний, отказа назначенного автором лица от исполнения соответствующих полномочий, а также после смерти этого лица охрана авторства, имени автора и неприкосновенности произведения осуществляется наследниками автора, их правопреемниками и другими заинтересованными лицами.

Однако на сегодняшний день законодатель допускает внесение изменений в произведение после смерти автора при условии получения разрешения у правопреемников автора. Так, абзац 2 п. 1 ст. 1266 ГК РФ закрепляет правило, согласно которому при использовании произведения после смерти автора лицо, обладающее исключительным правом на произведение, вправе разрешить внесение в произведение изменений, сокращений или дополнений при соблюдении двух условий: во-первых, этим не исказится замысел автора и не нарушится целостность восприятия произведения; во-вторых, производимые изменения не противоречат воле автора, определенно выраженной им в завещании, письмах, дневниках или иной письменной форме.

Считаем, что данное правило сформулировано некорректно, поскольку в нем говорится о лице, обладающем исключительным правом на произведение, а не о правопреемнике автора. По всей видимости, законодатель имел в виду наследников автора, поскольку в противном случае он давал бы возможность лицам, обладающим исключительным правом на произведение в связи с заключением лицензионного договора, на злоупотребление правом путем дачи самим себе разрешений на внесение изменений в произведение. Таким образом, лица, которым предоставлено исключительное право на произведение, могли бы изменять произведение на свое усмотрение, не спрашивая разрешения у наследников автора.

В научной литературе данное правило не раз подвергалось критике. Так, согласно высказанной точке зрения это положение является

спорным, поскольку во многих случаях такими правами может обладать работодатель, а вовсе не ближайший наследник автора. Еще одним аргументом, подтверждающим спорность обсуждаемого законодательного положения, является п. 2 ст. 1267 ГК РФ, предоставляющий автору возможность назначения лица, осуществляющего охрану неприкосновенности произведения после его смерти [2, с. 67]. На первый взгляд может возникнуть мнение, что к данному лицу переходит право автора на неприкосновенность произведения. Однако право автора на неприкосновенность произведения неотчуждаемо и непередаваемо, как и права автора на имя и на авторство. В данном случае следует говорить об особом охранительном механизме, возникающем после смерти автора и направленном на защиту произведения от искажений.

Наша позиция подтверждается высказываниями известных ученых-цивилистов, освещавших эту проблему в прошлом. Так, М. В. Гордон писал, что право на неприкосновенность произведения является не личным правом наследников, а только установленным законом способом охраны культурных ценностей в общественных интересах [4, с. 126]. Данную позицию разделял и В. И. Серебровский [5, с. 226-228]. Из числа современных ученых О. Г. Ершов считает, что право на неприкосновенность произведения в силу его природы, обусловленной тесной связью с личностью автора, не может быть передано [6, с. 329].

Кроме того, законодатель, наделяя правообладателей исключительным правом на произведение, правом выдавать разрешение на внесение изменений в произведение, оставил неурегулированным процесс получения такого разрешения. У автора могут быть несколько наследников, и в данном случае неясно, достаточно ли получения разрешения на внесение изменений у одного из них или нужно получать его от всех наследников? Открытым остается вопрос о порядке действий в ситуации, когда между наследниками возникло разногласие по поводу дачи разрешения на внесение изменений в произведение. И наконец, что делать, если наследники автора неизвестны? Нельзя забывать, что исключительное право на произведение действует в течение 70 лет после смерти автора, после чего переходит в общественное достояние, а абзац 2 п. 1 ст. 1266 ГК РФ наделяет полномочиями на выдачу разрешения лишь лицо, обладающее исключительными правами на произведение, в связи с чем возникает вопрос о том, каков механизм получения разрешения на внесение изменений в произведение после его перехода в общественное достояние?

Проведенное нами исследование указывает на несовершенство действующего законодательства, регламентирующего защиту права на неприкосновенность произведения после смерти автора. В целях поиска наиболее эффективных путей устранения выявленных проблем считаем необходимым проведение дополнительных исследований в данной области.

Список источников

1. *Об авторском праве и смежных правах* : закон РФ от 9 июля 1993 г. № 5351-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. *Право интеллектуальной собственности* : учебник / И. А. Близнец, Э. П. Гаврилов, О. В. Добрынин [и др.]; под ред. И. А. Близнеца. М., 2011.
3. *Медведев Д. А.* Новый Гражданский кодекс Российской Федерации: вопросы кодификации. Кодификация российского частного права. М., 2008.
4. *Гордон М. В.* Советское авторское право. М., 1955.
5. *Серебровский В. И.* Вопросы советского авторского права. М., 1956.
6. *Ершов О. Г.* Договорные отношения в строительстве и их гражданско-правовая форма. Омск, 2012.

С. Н. Воротников

Правовая защищенность сотрудников органов внутренних дел

На сегодняшний день круг вопросов правовой защищенности сотрудников органов внутренних дел (далее — сотрудники) очень широк. К таким вопросам, например, относятся надлежащее обеспечение трудовых прав, защита чести и достоинства, защита жизни и здоровья сотрудников и членов их семьи, реализация социальных гарантий и др.

Правовая защита сотрудников органов внутренних дел — это деятельность компетентных государственных органов и их учреждений по созданию и приведению в действие правовых механизмов, обеспечивающих реализацию прав, свобод, а также гарантий, компенсаций и льгот сотрудников.

Значимость правовой защищенности сотрудников вытекает из особенностей службы и их специального статуса, обусловленного выполнением конституционно значимых функций по обеспечению правопорядка

и общественной безопасности [1, с. 28]. Кроме федерального законодательства и ведомственных нормативных правовых актов, регламентирующих аспекты реализации различных гарантий сотрудников, для обеспечения мер их государственной защиты применяются нормы Федерального закона от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов».

В настоящей статье правовая защищенность сотрудников рассматривается нами на примере следующих элементов:

- 1) защита трудовых прав;
- 2) защита чести и достоинства;
- 3) гарантии возмещения имущественного вреда, причиненного сотрудникам при выполнении служебных обязанностей.

Защита трудовых прав. Основным нормативным правовым актом, регулирующим трудовое положение сотрудников органов внутренних дел, является Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон о службе). Данным законом регулируется служебное время и время отдыха сотрудников: нормальная продолжительность служебного времени для сотрудника органов внутренних дел не может превышать 40 часов в неделю, а для женщин, проходящих службу в местностях с неблагоприятными экологическими условиями, а также для сотрудников, служащих во вредных условиях, — 36 часов в неделю. Приказом от 1 февраля 2018 г. № 50 «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации» в целях учета служебного времени предусмотрено ведение табеля. Несмотря на указанную законодательную регламентацию, права сотрудников органов внутренних дел в части соблюдения режима служебного времени нарушаются, о чем свидетельствует многочисленная судебная практика.

Помимо вышесказанного, законодательством установлено, что у сотрудников органов внутренних дел предусмотрен ненормированный служебный день. Однако само понятие «ненормированный день» законом не конкретизируется. В связи с этим имеет место злоупотребление административным ресурсом со стороны руководства в отношении подчиненных.

Таким образом, в существующих реалиях трудовые права сотрудников органов внутренних дел существенно нарушаются. Полагаем, что решение данной проблемы состоит в переформулировании нормы Закона

о службе и внесении в него изменений в части, определяющей возможность увеличения часовой продолжительности рабочей недели.

Защита чести и достоинства. Современное законодательство не разграничивает понятия «честь и достоинство» человека и сотрудника ОВД в частности. Категории «честь» и «достоинство» отражают моральную ценность личности, они представляют собой общественную и индивидуальную оценку нравственных качеств и поступков человека. Так, Конституция РФ, а также федеральные законы закрепляют в различной форме охрану государством чести и достоинства сотрудника правоохранительных органов, а также предоставляют защиту от оскорбления.

Статьей 319 Уголовного кодекса Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность лица, публично оскорбившего сотрудника полиции при выполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их выполнением. Но сама формулировка нормы оставляет желать лучшего. Не совсем понятно, что подразумевается под «публичным оскорблением» и будет ли привлечен к ответственности субъект, оскорбивший сотрудника полиции непублично. Ранее при рассмотрении таких категорий дел суды руководствовались постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 24 сентября 1991 г. № 3, согласно которому не имеет значения, было оскорбление публичным или нет [2].

Еще один вопрос связан с детальной регламентацией проверки, проводимой по факту распространения порочащих сведений о сотруднике для последующей надлежащей защиты его чести и достоинства в суде в гражданско-правовом порядке. Так, порядок защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников утвержден приказом МВД России от 19 декабря 2018 г. № 850. Хотя такой порядок довольно подробно регулирует процедуру защиты, а также ее условия, он не предусматривает полномочия руководителя на принятие решения о направлении графической копии порочащей публикации на лингвистическое исследование. А ведь судебных споров по защите чести и достоинства сотрудников, связанных с их оскорблением и унижением, довольно много, и проведенная проверка будет служить основой для принятия решения в суде [3, с. 22].

Гарантии возмещения имущественного вреда, причиненного сотрудникам при выполнении служебных обязанностей. Определяется нормами Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» и приказа МВД России от 18 июня 2012 г. № 590 «Об утверждении Инструкции о порядке осуществления выплат в целях возмещения

вреда, причиненного в связи с выполнением служебных обязанностей, сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации или их близким родственникам» (далее — Инструкция).

В соответствии с Инструкцией необходимые для осуществления выплаты в возмещение имущественного вреда документы предоставляются кадровым подразделением органа внутренних дел в проводившую проверку по факту причинения вреда комиссию. Вместе с тем Инструкцией не определено: какие именно документы должны быть; предъявляемые к ним требования; порядок их получения; порядок оценки причиненного имущественного вреда; каким образом оценить действия сотрудника на предмет их правомерности, целесообразности и необходимости применения в конкретной ситуации; срок, в течение которого должна быть произведена компенсация [4, с. 49].

Резюмируя изложенное, можно сказать, что защита прав сотрудников органов внутренних дел осуществляется государством одновременно с разных сторон. Но имеется необходимость внесения поправок в названные нормативные правовые акты, поскольку вопрос соответствия закрепленных норм защиты и их практической реализации в современной действительности не соответствуют друг другу.

Список источников

1. Квасников Е. С. Особенности рассмотрения споров по гражданским делам, связанным с защитой чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Актуальные проблемы частного права : мат-лы межвед. науч.-практ. конф. Омск, 2018.

2. О судебной практике по делам о посягательстве на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников и военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 сентября 1991 г. № 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Квасников Е. С. О совершенствовании организационных основ защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел // Актуальные проблемы частного права : мат-лы межвед. науч.-практ. конф. Омск, 2019.

4. Квасников Е. С. Возмещение сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации имущественного вреда, полученного при выполнении служебных обязанностей // Законодательство и практика. 2019. № 1.

А. Н. Жданова

Перерыв судебного заседания в гражданском процессе: законодательное регулирование и проблемы правоприменения

Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации», изменив норму ст. 157 ГПК РФ, окончательно оставил в прошлом ранее действовавший отраслевой функциональный принцип непрерывности судебного разбирательства, имевший свою историю закрепления еще в советском гражданском процессе. Согласно Пояснительной записке к проекту Федерального закона, законодательная инициатива была обоснована необходимостью повышения процессуальной экономии судебной системы, а также унификации норм гражданского и арбитражного процессуального законодательства.

Спустя несколько лет после внесенных изменений можно с уверенностью сказать, что заявленные цели элиминации принципа непрерывности судебного разбирательства были достигнуты, а перспективы оправдались. Однако, на наш взгляд, отсутствие четкого правового механизма применения возможности перерыва судебного заседания до сих пор на практике вызывает проблемы в его реализации.

В частности, до сих пор не нашел законодательного закрепления вопрос о максимально возможном сроке объявления перерыва в судебном заседании. В ранее действовавшей редакции процессуального законодательства ориентиром для определения продолжительности перерыва было упоминание об отдыхе как о причине его объявления. Перерыв предполагался краткосрочным, применяющимся в связи с особенностями распорядка рабочего дня (например, обеденный перерыв либо окончание рабочего дня). В связи с его краткосрочностью абсолютно оправданными были предусмотренные законом возможность неизвещения участников процесса, отсутствовавших на судебном заседании до объявления перерыва, и установленный запрет на рассмотрение во время перерыва иных судебных дел.

В настоящее время из закона упоминание об отдыхе как о причине объявления перерыва убрали, не установив максимальных промежутков времени. Оба эти аспекта — отсутствие временных границ и оснований для объявления перерыва — ведут к нивелированию различий между перерывом судебного заседания и отложением судебного разбирательства.

В связи с отсутствием четких законодательных ориентиров перерыв судебного заседания может быть объявлен по любой причине и на любой срок в рамках производства по гражданскому делу. И в данном аспекте перерыв действительно становится универсальным и удобным для судей средством временной остановки процесса в силу ряда обстоятельств. Во-первых, законом напрямую установлена возможность после перерыва не начинать судебное заседание заново, а продолжать с того момента, с которого был объявлен перерыв. Во-вторых, доказательства, исследованные до объявления перерыва, не исследуются заново. Отсутствует и законодательно установленная для суда обязанность извещения о новой дате судебного заседания (точнее, продолжения судебного заседания) лиц, не присутствовавших на нем до объявления перерыва. Причем на практике отсутствие законодательного закрепления необходимости извещения трактуется судьями вышестоящих инстанций как разрешение не извещать [1].

Одни из указанных обстоятельств, безусловно, ведут к мощной процессуальной экономии времени, а другие — к отказу в процессуальной реализации конституционного права лица, участвующего в деле, на судебную защиту по формальным признакам. При отсутствии необходимых законодательных разграничений между отложением судебного разбирательства и перерывом в судебном заседании в последнем случае перед судом открывается возможность игнорировать обязательные требования закона, связанные с отложением разбирательства по делу, объявляя перерыв в судебном заседании.

Кроме того, закон оставляет неразрешенным вопрос о правовой квалификации неявки в судебное заседание, возобновившееся после перерыва, лица, известившего суд в рамках начатого до перерыва судебного заседания об уважительности причин неявки и просившего рассмотреть дело в его отсутствие. Будет ли иметь данное ходатайство пролонгированное действие либо распространяется только на дату прошедшего до перерыва судебного заседания? Данный вопрос требует внимания со стороны законодателя, так как в определенных случаях, например, при оставлении заявления без рассмотрения или вынесении заочного решения факт уважительных причин неявки в судебное заседание, а также поступивших ходатайств о рассмотрении дела в отсутствие лица имеет определяющее юридическое значение для законности дальнейших процессуальных действий суда.

Другой причиной элиминации из закона принципа непрерывности судебного разбирательства заявлялась необходимость унификации норм различных отраслей процессуального законодательства. В частности,

отсутствие данного принципа в арбитражном процессе ставило перед законодателем вопрос о необходимости его существования, поскольку арбитражный процесс легко справлялся и в его отсутствие. Однако в настоящее время наблюдается другой перекося, который не свидетельствует о достигнутой унификации процессуальных норм. Статья 163 АПК РФ содержит четкие ориентиры для применения перерыва в судебном заседании, решая поставленные в настоящем исследовании вопросы относительно максимальных временных промежутков его установления, а также надлежащего извещения лиц, присутствовавших и не присутствовавших в ходе судебного заседания. В отсутствие каких-либо разъяснений высших судебных инстанций о возможности применения норм арбитражного процессуального закона к гражданским процессуальным правоотношениям подобное положение вещей ставит вопрос о необходимости более детальной регламентации перерыва в судебном заседании в нормах гражданского процессуального законодательства.

Список источников

1. Апелляционное определение Омского областного суда от 14 июня 2018 г. по делу № 33-3690/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

М. А. Засыпкин

Цифровизация как условие реализации прав и свобод

Развивающиеся современные технологии, особенно в сфере информационного пространства, оказывают существенное влияние на общественные отношения и их содержание (субъективные права и юридические обязанности). Права человека обладают внутренним свойством — способностью к трансформации, внутренним изменениям.

В то же время государственные и общественные институты преобразуются под воздействием цифровых технологий.

Современное состояние общественных отношений, тенденции их развития, опосредованные технологическим фактором, деятельность законодателя по совершенствованию нормативной правовой базы в информационной сфере свидетельствуют о признании и узаконивании «новых» информационных прав.

Российское государство при помощи цифровых технологий создает новые условия (правовые, организационные, технические и др.) для реа-

лизации прав человека и гражданина. Цифровизация является важной составляющей политики нашего государства. Ее основным ориентиром служит формирование информационного общества, цифровой экономики, обеспечение национальных интересов и стратегических национальных приоритетов, создание условий для свободного доступа граждан, органов публичной власти к информации на всех стадиях ее появления и распространения, а также совершенствование нормативной правовой базы в данной сфере [1, с. 29].

Цифровизацию можно рассмотреть с двух сторон.

Во-первых, она связана с совершенствованием правового регулирования информационной сферы. Идет модернизация действующего законодательства Российской Федерации, с помощью которой создается новая реальность, основанная на цифровых технологиях. В частности, формируются экосистемы цифровой экономики, инфраструктура электронного правительства, электронного правосудия, закрепляются новые правовые возможности проведения электронного голосования.

Во-вторых, использование цифровых технологий привело к возникновению так называемых цифровых прав. Под цифровыми правами понимаются права людей на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений, на доступ и использование компьютеров и иных электронных устройств, а также коммуникационных сетей, в частности, сети Интернет [2].

В данном случае следует говорить о конкретных возможностях, требованиях, притязаниях, законных интересах, а также об обязанностях, которые возникают на основе и в пределах законодательства у участников правовых отношений. Фундаментальные права человека, гарантированные Конституцией РФ и международными стандартами, конкретизируются применительно к цифровой реальности. Однако государство должно обеспечивать, сохранять традиционные и привычные для граждан (отличные от цифровых) формы реализации прав и свобод, так как от осуществления прав и обязанностей зависят результативность и эффективность правоотношений.

С позиции обеспечения прав и свобод человека и гражданина цифровизацию можно рассматривать как деятельность государства и общественных институтов по созданию, формированию предпосылок, мер, условий, факторов, закрепляемых в правовых нормах и способствующих реализации, защите и охране фундаментальных прав и свобод личности, а также интересов общества и государства.

Список источников

1. Киричек Е. В. Цифровизация в конституционно-правовом измерении // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 4(95).
2. Зорькин В. Д. Право в цифровом мире // Российская газета. 2018. 30 мая.

Ю. С. Кабанова

К вопросу о законности получения согласия несовершеннолетних при помещении их в специализированные учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации

Семейные отношения в России находятся на стадии развития. Набирают обороты новые формы воспитания детей и отношения к ним как к полноценным и полноправным личностям, обладающим наравне со взрослыми членами семьи всеми правами, закрепленными законодательно. Согласно ст. 19 Конституции РФ все граждане России равны между собой, нельзя допускать дискриминацию по признакам пола, расы, национальности и т. д. В соответствии со ст. 22 Конституции РФ каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность, при этом последние не должны носить характера злоупотребления правом. Из указанных норм следует, что на граждан, не достигших 18-летнего возраста, распространяются все те же права, что и на любого человека, проживающего на территории Российской Федерации, при этом в ст. 60 Конституции РФ закреплено, что гражданин России может самостоятельно осуществлять в полном объеме свои права и обязанности лишь с 18 лет.

Закрепление данных положений является важным фактором в развитии правового государства в России. Однако необходимо отметить, что лица, не достигшие совершеннолетия, не могут полноценно пользоваться предоставленными им нормативными правовыми актами правами и свободами. Так, в теории права существуют два неразрывно связанных понятия: правоспособности и дееспособности. Правоспособность — это возможность иметь права и нести обязанности, при этом возникает она в большинстве случаев с рождения и признается в равной мере за все-

ми гражданами, включая несовершеннолетних. Дееспособность (в силу ст. 21 Гражданского кодекса РФ) — это способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их. Возникает она в полном объеме с наступлением совершеннолетия, т. е. с 18 лет. Отметим, что в разных отраслях права в некоторой степени дееспособность наступает по достижении разного возраста, например, у ребенка, достигшего 10-летнего возраста, необходимо получать согласие на усыновление.

Часто семейную правоспособность и гражданскую правоспособность рассматривают в одном ключе, при этом существует точка зрения, согласно которой нельзя применять положения о дееспособности из одной отрасли права в другой при определении возраста наступления дееспособности. Я. Р. Веберс предостерегал, что «перенесение цивилистической конструкции на область семейного права не может быть оправданно, поскольку гражданская дееспособность предназначена для реализации имущественных прав и обязанностей» [1, с. 184]. Однако в ст. 4 Семейного кодекса РФ закреплено: «К имущественным и личным неимущественным отношениям между членами семьи, не урегулированным семейным законодательством, применяется гражданское законодательство постольку, поскольку это не противоречит существу семейных отношений». Таким образом, законодатель распространил на семейные правоотношения нормы гражданского права в части всех не урегулированных Кодексом вопросов.

В статье 26 ГК РФ закреплены положения, согласно которым лица, не достигшие совершеннолетия, не могут совершать сделки, за исключением указанных в п. 2 рассматриваемой статьи, и решать ряд вопросов самостоятельно, без участия законных представителей. Кроме лиц, вступивших в брак до достижения совершеннолетия либо эмансипированных в соответствии со ст. 27 ГК РФ. Однако на практике существует проблема, а именно, учет мнения и получение согласия несовершеннолетнего при помещении в специализированные учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации.

В Федеральном законе от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (далее — Закон № 120-ФЗ) закреплено, что при наличии в поведении несовершеннолетнего антиобщественных действий он может быть помещен для реабилитации в специализированное учреждение. В учреждения открытого типа могут быть направлены обучающиеся от восьми до восемнадцати лет: с устойчивым противоправным поведением; отка-

зывающиеся посещать общеобразовательные организации; испытывающие трудности в социальной адаптации.

Возможность помещения детей с антиобщественным поведением в специальные учреждения является действенной мерой, позволяющей вовремя повлиять на развитие ребенка и не допустить формирования личности, склонной к совершению правонарушений. Законодатель в ст. 13 Закона № 120-ФЗ предоставил право законным представителям помещать ребенка в такие учреждения на основании письменного заявления, но только с учетом мнения несовершеннолетнего, достигшего возраста десяти лет. При этом в п. 21 приказа Минпросвещения России от 17 июля 2019 г. № 381 «Об утверждении Порядка организации и осуществления деятельности специальных учебно-воспитательных учреждений открытого и закрытого типа» закреплено: в учреждения открытого типа принимаются обучающиеся при наличии согласия их законных представителей, а также согласия обучающихся, достигших возраста четырнадцати лет. Таким образом, законодательно закреплено, что без разрешения несовершеннолетнего, достигшего 14-летнего возраста, поместить его в данные учреждения не представляется возможным.

Еще одним препятствием к помещению ребенка в данные учреждения является необходимость проведения медицинского осмотра несовершеннолетнего, закрепленная в п. 3 постановления Минтруда РФ от 30 января 1997 г. № 4 «Об утверждении Порядка приема, содержания и выпуска лиц, находящихся в специализированном учреждении для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации». Часто организации отказывают в помещении несовершеннолетних в данные учреждения по причине их несогласия с прохождением медицинского осмотра, так как согласно ст. 54 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» для проведения медицинского осмотра необходимо получение согласия несовершеннолетнего, достигшего 15-летнего возраста.

Анализируя изложенное, можно с уверенностью сказать, что законодателем практически исключена возможность реагирования родителей на противоправное поведение несовершеннолетних посредством помещения их в специализированные учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации. Отметим, что несовершеннолетние, которые ведут антиобщественный образ жизни, не посещают образовательные учреждения, совершают правонарушения, вряд ли выразят согласие на помещение их в такие учреждения. В России необходимо прийти к единому мнению относительно того, в каких случаях достаточ-

но согласия несовершеннолетнего, а в каких необходимо разрешение законных представителей.

Отметим, что такие вопросы, как помещение в специализированное учреждение, проведение медицинских осмотров, распоряжение собственностью и многие другие должны решаться законными представителями несовершеннолетних в силу того, что до достижения 18 лет у человека не сформировано абстрактно-логическое мышление, позволяющее ему критически оценивать происходящее вокруг себя и свою роль в нем. Только в возрасте 18 лет психические процессы проходят этап окончательного становления: появляются интеллектуальная зрелость, нравственное самосознание, социальные установки, т. е. происходит формирование личности, способной в полной мере осознавать свои действия и отвечать за них.

Необходимо привести в соответствие нормы права в отношении получения согласия несовершеннолетних на проведение медицинского осмотра, помещение в специализированные учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации. Таким образом будет устранена возможность злоупотребления правом лицами, не достигшими возраста полной дееспособности.

Список источников

1. Веберс Я. Р. Правосубъектность граждан в гражданском и семейном праве. Рига, 1976. С. 184.

К. В. Карпов

К вопросу о существенных условиях договора доверительного управления наследственным имуществом

Договор доверительного управления наследственным имуществом будет считаться заключенным при соблюдении всех существенных условий, которые определены п. 1 ст. 1016 ГК РФ, всего их четыре.

Первое закрепляет состав имущества, которое передается в доверительное управление. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в соответствии со ст. 1018 ГК РФ не все имущество, которое входит в наследственную массу, может быть передано в доверительное управ-

ление. Согласно п. 1 ст. 1073 ГК РФ основанием для доверительного управления наследством выступает тот факт, что в его составе имеется имущество, которое требует не только охраны, но и управления. При этом законодатель дает некоторые ориентиры относительно того, какое имущество в принципе может быть передано в доверительное управление (предприятие, доля в уставном (складочном) капитале корпоративного юридического лица, пай, ценные бумаги, исключительные права и тому подобное). Вместе с тем резонно поставить вопрос о том, следует ли вводить управление, например, жилым помещением в многоквартирном доме или жилым домом. Очевидно, что данное имущество требует управления и обслуживания. На практике нотариусы не заключают договоров доверительного управления в отношении жилых помещений. Отчасти это продиктовано тем, что в этом случае договор необходимо заключать по правилам п. 2 ст. 1017 ГК РФ, что повлечет за собой дополнительные расходы. По большому счету, нотариус сам определяет, есть ли необходимость учреждения доверительного управления или нет.

Вторым существенным условием договора доверительного управления наследством выступает наименование юридического лица или имя гражданина, в интересах которых осуществляется управление имуществом (учредителя управления или выгодоприобретателя). Анализ субъектного состава договора доверительного управления наследственным имуществом позволяет выделить несколько проблем.

Во-первых, при заключении договора необходимо указать конкретное лицо или лиц, в интересах которых устанавливается доверительное управление. На момент заключения договора, возможно, не будет установлен полный круг наследников, которые призываются к наследованию. Более того, в период принятия наследства состав наследников может меняться, например, наследники могут отказаться от принятия наследства в пользу других наследников или просто отказаться, могут возникнуть споры о составе наследников, о признании наследника недостойным и т. д. В результате возникнет необходимость вносить изменения в договор доверительного управления имуществом.

Судебная практика по данному вопросу складывается следующим образом. По одному из споров суд указал на то, что если нотариус обладает сведениями о конкретных наследниках, в интересах которых должно осуществляться управление наследственным имуществом, он обязан в силу прямого указания в законе поименовать их в договоре как выгодоприобретателей [1].

Во-вторых, в научной литературе неоднократно обсуждался вопрос о возможности наследников быть назначенными в качестве доверительного управляющего. Такая возможность предусмотрена законом в случае, когда все наследники, которые выявлены нотариусом, дали свое согласие на то, чтобы одного из наследников назначить управляющим наследственным имуществом.

Третьим существенным условием законодатель указывает размер и форму вознаграждения управляющему, если они предусмотрены договором. Представляется, что договор доверительного управления может быть как возмездным, так и безвозмездным. В настоящее время на уровне подзаконного нормативного правового акта установлен предельный размер вознаграждения в объеме не более 3% оценочной стоимости имущества. Очевидно, речь идет о стоимости того имущества, которое передается в доверительное управление, что опять возвращает нас к тому, что перед заключением договора необходимо определить и оценить стоимость имущества, передаваемого в доверительное управление. Несмотря на то что при заключении договора нотариус и управляющий согласовывают размер вознаграждения, его необходимо согласовывать с выгодоприобретателями (наследниками). Это обусловлено тем, что вознаграждение выплачивается из наследственной массы, а это напрямую затрагивает имущественные интересы наследников.

Срок действия договора является четвертым существенным условием. Действующий закон устанавливает, что максимальный срок, на который может быть заключен договор доверительного управления наследством, составляет не более 5 лет. Наибольший интерес вызывает вопрос о моменте прекращения данного договора: что произойдет, когда срок действия договора в 5 лет истечет, а необходимость в управлении имуществом останется. При этом стороны договора не имеют намерения его продлевать. Более того, законодатель предусмотрел, что в случае, когда один из наследников получил свидетельство о праве на наследство (речь идет о наследстве, в отношении которого установлено доверительное управление), он фактически занимает место учредителя данного договора, т. е. нотариуса. Закон наделяет его правом отменить управление, при этом согласие других наследников никто не спрашивает. Из этого следует, что при наличии других наследников наследник, который получил свидетельство о праве на наследство, приступает фактически к управлению не только своей долей, но и долями других наследников. Или он управляет только своей долей, а управляющий остается управлять долями других наследников. Особо остро этот вопрос встает в том

случае, когда наследуются доли в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью, где наследодателю принадлежала 100%-ная доля. Очевидно, что наследники могут получить свидетельство о праве на наследство не в одно время.

На наш взгляд, специфика доверительного управления наследственным имуществом, особенно если в его состав входят доли в уставном (складочном) капитале юридических лиц, очевидна.

В связи с этим следует обратить внимание на то, что основная цель договора доверительного управления наследственным имуществом сводится к его сохранению и, по возможности, увеличению его стоимости. Это позволяет нам утверждать, что среди существенных условий данного договора должны быть условия, которые определяют полномочия по отчуждению и приобретению как движимого, так и недвижимого имущества.

Список источников

1. *Определение Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 778-КГ15-7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

Е. С. Квасников

Охрана труда самозанятых граждан

Трансформация труда в современных условиях видоизменяет традиционную занятость населения, которой сейчас присущ удаленный характер и гибкие формы занятости. В научной литературе при определении различных форм занятости употребляется термин «нетипичные трудовые отношения», содержанием которых являются в том числе субъективные права и юридические обязанности работников и работодателя в традиционной занятости населения, а также субъектов в сфере самозанятости [1, с. 37].

Введение специального режима для самозанятых было связано с экспериментом по льготному налогообложению доходов указанных лиц. Что касается самого понятия, то в законодательстве указано лишь, что самозанятыми являются зарегистрированные в качестве таковых лица, которые платят специальный налог на профессиональный доход.

Фактически самозанятостью является деятельность, при которой гражданин, выполняя определенную работу (услуги), устанавли-

вая за это цену и порядок своей деятельности, получает оплату своего труда не от работодателя (в соответствии с условиями трудового договора), а от заказчика (физических или юридических лиц). Такой вид деятельности в настоящее время является новой реальностью для рынка труда. И несмотря на то что данная деятельность довольно слабо регламентирована законом, учитывая цель эксперимента — вывести российский бизнес «из тени», а также постоянное расширение круга субъектов Российской Федерации, участвующих в этом эксперименте, думается, что реалии труда самозанятых лиц, конечно же, будут видоизменяться, но не исчезнут.

В связи с этим назревает вопрос об охране труда данной категории лиц. Ведь не секрет, что в целях собственной выгоды (снижение налоговой нагрузки, нежелание нести ответственность и др.) работодатели могут и с большой долей вероятности злоупотребляют своим положением, фактически вынуждая работников увольняться и работать по договору в качестве самозанятых. При этом реального обеспечения требований охраны труда таких лиц не может быть, а «работники» лишаются социальных гарантий, связанных с трудовыми отношениями.

Поскольку модель трудовых отношений «работник — работодатель» в данном случае не применяется, рамки ответственности за обеспечение безопасных условий труда размыты. Ведь работодатель здесь выступает в ином статусе — заказчика, у которого отсутствует круг обязанностей по обеспечению требований охраны труда исполнителя.

Существуют известные прецеденты переквалификации судами гражданско-правовых отношений на отношения трудовые. Так, Верховный Суд РФ в своем определении указал, что сам по себе факт заключения между организацией и физическим лицом гражданско-правового договора еще не говорит об отсутствии трудовых отношений [2]. Определением Верховного Суда РФ юридическому лицу было отказано в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ в связи с правомерностью переквалификации судами договоров оказания услуг на трудовые договоры ввиду фактического наличия между сторонами трудовых отношений. А действия общества были расценены как направленность на получение необоснованной налоговой выгоды [3].

Поэтому полагаем, что возможно возникновение ситуаций, при которых для исключения признаков наличия трудовых отношений заказчик, чтобы снять с себя бремя ответственности за безопас-

ность деятельности исполнителя, будет тщательно подводить такие отношения под гражданско-правовые, создавая видимость таких отношений. Например, в травмоопасных сферах деятельности вовсе не проводить инструктаж по охране труда или технике безопасности, поскольку данное мероприятие косвенно свидетельствует о трудовом характере отношений, а не гражданско-правовом.

Вместе с тем деятельность самозанятых лиц по оказанию услуг является именно трудом в широком смысле этого слова. А Конституция РФ признает и гарантирует каждому право на труд в условиях безопасности и гигиены.

Безусловно, для многих людей рассматриваемая гибкая форма занятости является удобной и имеет немало преимуществ. Однако в современных условиях с увеличением источников повышенной опасности, в травмоопасных сферах деятельности риск причинения вреда жизни и здоровью не уменьшается. Человеческий фактор играет очевидную роль в обеспечении безопасности труда, простого принятия технических и организационных мер по охране труда в настоящий момент недостаточно, поскольку инструментарий по управлению поведением человека отсутствует.

На сегодняшний момент охрана труда (как одно из направлений государственной политики по обеспечению приоритета сохранения жизни и здоровья работников и как важная составляющая экономической деятельности) для самозанятых лиц, трудящихся в интересах заказчика, фактически упразднена. В связи с этим складывается впечатление о единой цели указанного эксперимента — пополнении бюджета.

Поэтому порядок обеспечения безопасности деятельности самозанятых лиц, на наш взгляд, необходимо урегулировать на федеральном уровне, приняв отдельный закон, регламентирующий:

- 1) вопросы относительно сфер деятельности, где возможно (либо невозможно) заключение договора с самозанятыми (здесь особому вниманию подлежат сферы деятельности, опасные для жизни и здоровья человека, связанные с физическими перегрузками, потенциальной возможностью получения производственных травм, отравления химическими веществами);

- 2) права и обязанности сторон;

- 3) охрану труда самозанятых.

Список источников

1. *Осипова С. В.* Работа по трудовому договору на дому как форма экономической деятельности граждан // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2018. № 3.
2. *Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25 сентября 2017 г. № 66-КГ17-10.* Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. *Определение Верховного Суда РФ от 9 августа 2019 г. № 304-ЭС19-13099 по делу № А70-11827/2017.* Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Е. В. Кошелев

Права и свободы человека и гражданина в условиях цифровизации российского общества

В Российской Федерации происходит очень быстрый процесс цифровизации всех сфер общественной жизни и, как всегда бывает в эпоху перемен, это создает определенные проблемы, которые надо как можно точнее сформулировать, чтобы приступить к их решению. Ведь от того, как сформулирована задача, зависит применяемое решение.

Первая проблема, на наш взгляд, — это соотношение прав и свобод, с одной стороны, и обеспечения безопасности — с другой. И это на всех уровнях: от вопросов борьбы с терроризмом до культа потребительства в средствах массовой информации. Вмешательство и контроль сферы частных отношений — это нарушение прав и свобод, однако невмешательство — это провокация преступной деятельности. Вопрос соотношения свободы и ответственности, к сожалению, в нашей стране пока не доведен до сознания граждан, и уровень правовой культуры оставляет желать лучшего. Воспитательная функция права реализуется не системно, в контексте общественных отношений, а крайне фрагментарно. Примерами здесь могут служить такие факты, как использование иностранных мессенджеров при организации массовых протестных акций, хейтерские атаки вторжения в частную жизнь публичных людей, трэш-стримы и многое другое, что людям еще постсоветской эпохи представляется крайне недопустимым, так как они были воспитаны в иной правовой культуре.

Второй проблемой является уровень цифровой и финансовой грамотности граждан нашей страны. Количество преступлений в этой сфере неуклонно растет, а правоохранительные органы еще не в полной мере готовы заниматься данными преступлениями, хотя достаточно давно созданы специализированные службы. Безусловно, в первую очередь вызывают интерес деяния в данной сфере, затрагивающие государственные интересы. Это порождает правовой нигилизм граждан. В Доктрине информационной безопасности и Указе Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» основными приоритетами названы: защита основных прав и свобод граждан РФ, сохранение традиционных ценностей народов нашей страны, обеспечение свободы выбора получения предоставляемых государством услуг, обеспечение информационной достаточности собираемых государством сведений и обеспечение свободы доступа к информации. При конкретности базовых принципов правоприменительная практика пока не сформировалась, и в системе права нет тех изменений, которые они формулируют. Информационное право не выделено в отдельную отрасль права со своими правоприменительными механизмами, а является вторичной отраслью или даже подотраслью гражданского и административного права, что, безусловно, создает определенные правовые коллизии.

Немаловажны проблемы терминологического характера. Так, термин «цифровые права» в ст. 141.1 ГК РФ подразумевает обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. В иных правовых системах «цифровые права» понимаются как специфические права человека в сфере публичного права. И это не единственный диссонанс, который возникнет при одновременной трансформации разных правовых систем, поэтому будут возникать проблемы правопонимания и в межгосударственных отношениях.

Внедрение автоматизированных систем (ЕСИА, РОИ, ГАС, ГИС, портал «Госуслуги», блокчейн-платформы), помимо дополнительных затрат на их содержание и обеспечение безопасности, создает проблемы взаимодействия этих систем между собой и проблемы своевременного предоставления услуг гражданам РФ. Создание же единой информационной системы в стране (электронное правительство) требует иных, более прорывных решений, чем есть сейчас. И даже в условиях реализации Указа Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стра-

тегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.» и распоряжения Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении Программы „Цифровая экономика Российской Федерации“», которые направлены на создание новой регуляторной среды, обеспечивающей более благоприятный правовой режим для разработки и внедрения новых цифровых технологий, возникнут как юридические, так и чисто технические проблемы. Например, контроль информационной сферы не может быть прерогативой государства, так как это создаст конфликт интересов, значит, он должен быть в ведении гражданского общества, институты которого до конца еще не сформированы. Смарт-контракты, блокчейн-платформы, виртуальная валюта, «интернет вещей» не имеют однозначного юридического толкования в нормах права. Внедрение цифровых технологий в процессуальное право и судопроизводство также требует принципиального переосмысления функций права и средств их реализации.

Подводя итог изложенному, можно предположить, что система права стоит перед глобальными изменениями, которые кардинально изменят государство и место человека в нем, но модернизация системы права должна быть крайне продуманной и поэтапной. Единственное, что должно остаться неизменным, это соблюдение и защита прав человека, а также правовые принципы, которые обретут иные механизмы реализации.

С. В. Лебедев

К вопросу о недобросовестности действий супругов при разделе движимого имущества

Несмотря на выражение «Милые бранятся — только тешатся», не все семейные конфликты заканчиваются примирением и укреплением семейных уз. Часть из них получает негативное развитие и приводит к разводам и, как следствие, разделу совместно нажитого имущества. В случаях, когда режим общего совместного имущества определен брачным договором, вероятность каких-либо злоупотреблений со стороны супругов наиболее низка. Если же супруги не прибегали к такой возможности, то при разделе имущества они должны руководствоваться

ся нормами действующего законодательства, устанавливающего, что имущество, нажитое во время брака, по общему правилу, принадлежит обоим супругам и находится в их совместной собственности независимо от того, кем из супругов или на имя кого приобретено данное имущество. Согласно п. 2 ст. 253 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) в случае продажи одним из супругов совместно нажитого движимого имущества согласие второго супруга предполагается и его письменного подтверждения не требуется, и этим в некоторых случаях супруги злоупотребляют, пытаясь в случае назревающего бракоразводного процесса побыстрее избавиться от дорогостоящего движимого совместно нажитого имущества, в частности автомобиля либо иного транспортного средства. Конечно же, мы можем сослаться на п. 3 ст. 253 ГК РФ, устанавливающий возможность признания сделки недействительной, если другая сторона знала или заведомо должна была знать об отсутствии согласия второго супруга на продажу транспортного средства. Но как часто потенциальный покупатель при покупке автомобиля интересуется у продавца, состоящего в браке, о том, когда был приобретен автомобиль и не возражает ли супруг(а) против продажи транспортного средства? И будет ли честно отвечать продавец, заинтересованный утаить сей факт? Ответ очевиден.

Можно возразить, что гражданско-правовое законодательство предусматривает применение обеспечительных мер в судебном порядке, в частности, наложение ограничения на регистрационные действия с транспортным средством, дабы невозможно было его перерегистрировать на нового собственника до определения судьбы имущества, подлежащего разделу в ходе бракоразводного процесса, однако рассмотрение такого ходатайства занимает определенное время (несколько дней). Кроме того, нередко ситуации, когда стороны желают обезопасить себя от возможных негативных поступков другой стороны и хотели бы воспрепятствовать возможной реализации транспортного средства, но обратиться в суд с требованием лишь о наложении ограничения на регистрационные действия в целях защиты своего права как собственника имущества нельзя в связи с отсутствием такого основания. Можно лишь подать иск о разделе имущества и наложении ограничений на транспортное средство, а это для второго супруга уже может послужить той чертой, после преодоления которой разрыв семейных отношений становится неизбежен.

В настоящее время профильное законодательство не предусматривает возможности обращения одного из супругов в государствен-

ные органы, занимающиеся регистрацией транспортных средств, с заявлением о наложении ограничений на регистрационные действия на совместно нажитый автомобиль, что «развязывает руки» недобросовестному супругу, являющемуся лишь по документам единственным собственником и задумавшему реализовать автомобиль в целях освобождения данного имущества от раздела в судебном порядке. Так, административная процедура по регистрации транспортного средства предусматривает возможность постановки на государственный учет только одним физическим лицом, а в случае принадлежности транспортного средства двум и более собственникам она осуществляется одним из них при наличии письменного согласия на это остальных собственников [1]. Опрос сотрудников ГИБДД, занимающихся постановкой на учет транспортных средств, показал, что данное положение применяется лишь в случаях, когда транспортное средство переходит по наследству нескольким наследникам, один из которых является несовершеннолетним. При этом в паспорте транспортного средства в особых отметках указываются все его сособственники.

Приобретение транспортного средства в браке свидетельствует о наличии двух сособственников у автомобиля, однако в регистрационных органах откажут в просьбе отразить в особых отметках технического паспорта данный факт, ссылаясь на непредусмотренность такой процедуры. Хотя вышеуказанный пункт Правил регистрации не запрещает этого, на практике он не применяется. Таким образом, сособственник совместно нажитого имущества остается не защищенным от возможных недобросовестных действий одного из супругов по реализации движимого имущества при несогласии одного из них. Для решения этой проблемы достаточно было предусмотреть в Административном регламенте необходимость дачи письменного согласия одного из супругов на продажу транспортного средства при перерегистрации автомобиля на нового собственника, а также отображения факта наличия сособственника в особых отметках в паспорте транспортного средства [2]. Например, дополнить Административный регламент пунктом 128.1, предложенным Д. С. Рудьманом и И. В. Слышаловым, следующего содержания: «Внесение изменений в регистрационные данные транспортного средства, находящегося в собственности двух и более лиц, в связи с заявлением одного из собственников осуществляется при наличии письменного согласия на это остальных собственников» [3, с. 103].

Список источников

1. О государственной регистрации транспортных средств в регистрационных подразделениях Государственная инспекция безопасности дорожного движения МВД РФ : постановление Правительства РФ от 21 декабря 2019 г. № 1764. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации предоставления государственной услуги по регистрации транспортных средств : приказ МВД России от 21 декабря 2019 г. № 950. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Рудьман Д. С., Слышалов И. В. О государственной регистрации транспортных средств, находящихся в совместной собственности супругов // Вестник Уфимского юридического института. 2020. № 3.

В. А. Максимов

Границы частноправового регулирования отношений в образовательной сфере

Отношения в образовательной сфере подвергались юридической оценке представителями различных научных специальностей. При этом наблюдается интересная тенденция: выводы относительно юридической квалификации данных отношений прямо зависят от того, к какой научной специальности принадлежит автор подобных выводов. «Цивилисты» считают необходимым распространять на такие отношения режим гражданского (частного) права, «хозяйственники» — хозяйственного права, «административисты», — административного права и т. д. Выделяется позиция тех, кто обосновывает существование образовательного права как самостоятельной или комплексной отрасли права, которой присущи одновременно частно- и публично-правовые признаки упорядочения общественных отношений. Выразителями последней позиции чаще всего являются представители общей теории права.

Отношения в образовательной сфере слишком сложны, чтобы их можно было охватить правовым регулированием одной отрасли права. В этой общественной сфере сосуществуют методы как частно-

правового, так и публично-правового характера. Плотность проявления этих двух правовых режимов может порождать впечатление (именно впечатление!) функционирования так называемой комплексной отрасли права. По нашему убеждению, от комплексного проявления в образовательной сфере норм гражданского, административного права или иной правовой отрасли не может создаваться качественно новая («комплексная») отрасль права. Такие разные по своей правовой природе нормы продолжают принадлежать к известным, классическим отраслям права. Мы придерживаемся позиции о принципиальной невозможности существования комплексных отраслей права. Комплексными являются только отрасли законодательства. Образовательное законодательство — яркий пример «комплексности» законодательства.

Решение проблемы адекватного правового регулирования отношений в образовательной сфере следует искать прежде всего в определении границ проявления в этой сфере частного и публичного права как таковых. Используя известные критерии (предмет, метод правового регулирования, вид интереса, подлежащего правовой охране), необходимо определить, какие социальные связи образовательной сферы должны подлежать (подлежат) частноправовому, а какие — публично-правовому нормативному воздействию. Следовательно, решать эту проблему необходимо в плоскости поиска соответствующих рычагов правового регулирования тех или иных общественных отношений в образовательной сфере, а не путем искусственного создания новых отраслей права.

Категория «интерес» со времен римского права классической эпохи выступает критерием установления для тех или иных общественных отношений режима частного или же публичного права. Сложность применения этого критерия в отношении социальных связей в образовательной сфере заключается в том, что здесь плотно сходятся интересы отдельных лиц и общества в целом. Лицо как носитель частного интереса стремится получить образование, чтобы приобрести определенные мировоззренческие и (или) профессиональные качества. В то же время общество заинтересовано в повышении грамотности населения и в получении профессионалов надлежащей квалификации. Итак, движущими силами, которые порождают образовательный процесс в широком смысле, выступают оба вида интересов: частный и публичный. Это неизбежно влечет одновременное проявление в рассматриваемых здесь отношениях одноименных правовых режимов: и частного, и публичного.

Публично-правовому упорядочению должны подлежать (подлежат) отношения по:

— определению стратегических целей осуществления образовательной деятельности в стране;

— прогнозированию потребностей общества в профессионалах определенного направления, определенного уровня компетенции и определенного количества;

— созданию системы государственных и частных учебных заведений;

— созданию учебных заведений как юридических лиц, подлежащих лицензированию и аккредитации образовательной деятельности;

— контролю за использованием субъектами образовательной деятельности публичных финансов;

— сертификации образования и тому подобное.

Соискателем образования всегда является человек. Участие людей в отношениях по получению образования является примером участия физических лиц в частноправовых отношениях.

Соискатели образования, прямо или через своих законных представителей, свободно вступают в образовательные правоотношения. Они юридически не подвластны учебным заведениям и обладают имущественной самостоятельностью. Сам процесс предоставления/получения образования является разновидностью предоставления услуги (образовательной услуги), что указывает на принадлежность подобных отношений к частному праву не только по методу, но и по предметному признаку. Академическая свобода, свобода выбора видов, форм и темпа получения образования, образовательной программы, учреждения образования, других субъектов образовательной деятельности как принципы, закрепленные в Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», указывают на диспозитивность правового регулирования отношений по предоставлению/получению образования [1]. Уместно отметить, что одной из контекстуальных особенностей упомянутого Закона является дальнейшее расширение инициативности участников образовательного процесса и формальное закрепление их юридического равенства, свободы волеизъявления. Это находит свое отражение в других, кроме названных выше, принципах:

— человекоцентризм;

— обеспечение равного доступа к образованию без дискриминации по каким-либо признакам;

— разнообразие образования;

— финансовая, академическая, кадровая и организационная ав-

тономия учебных заведений в пределах, определенных законом, и тому подобное.

Содержание указанных принципов в полной мере соответствует «духу» частного права. Следовательно, образовательные отношения в узком понимании, т. е. как непосредственная связь «учебное заведение — соискатель образования (собственно образовательные отношения)», не только могут, но и должны регулироваться частным правом. Безусловно, к предмету частного права относятся отношения самообразования и отношения, где образование дается на договорной основе с репетиторами, тренерами или другими педагогами, осуществляющими неформальную образовательную деятельность.

Несмотря на наличие в Российской Федерации весомых научных достижений по разработке частноправовых форм регулирования образовательных отношений, сейчас наблюдается игнорирование этого материала законодателем. ГК РФ содержит только общие положения об оказании услуг как таковых, без учета особенностей предоставления именно образовательных услуг. В специальных актах образовательного законодательства также не найти нормативной детализации упорядочения данных отношений, что порождает пробел «писаного права» образовательной сферы. Решение этой проблемы в немалой степени зависит от активности представителей юридического корпуса, в частности, от цивилистов.

Список источников

1. *Об образовании* в Российской Федерации : федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

Ю. В. Пономарева

Анализ основных проблем, связанных с исполнением контрактов для нужд МВД России

Закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных нужд, осуществляемые в целях выполнения государственного оборонного заказа, регулируются Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе», а также законода-

тельством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Частью 1 ст. 1 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон о контрактной системе) определены общественные отношения, регулируемые данным Законом. К ним в первую очередь относятся обеспечение государственных и муниципальных нужд, в которое входят, например, планирование закупок, определение поставщиков (подрядчиков, исполнителей), заключение контрактов и некоторые другие сферы. В соответствии с ч. 1 ст. 8 данного Закона контрактная система в сфере закупок направлена на создание равных условий для обеспечения конкуренции между участниками закупок. Любое заинтересованное лицо имеет возможность стать поставщиком. В то же время Закон о контрактной системе в некоторых случаях устанавливает те или иные условия, которые так или иначе влияют на количество участников закупок, определяющих поставщиков. К таким условиям можно отнести ограничения участия в определении поставщика, преимущества, предоставляемые заказчиком, требования к участникам закупки, а также требования к документации (заявкам).

В связи с этим выделяют нарушения следующего характера. В ряде случаев по электронным аукционам допускались участники закупок, заявки которых не соответствовали требованиям аукционной документации, вследствие чего заключались государственные контракты на условиях, не соответствующих заявкам победителей аукционов, и, как следствие, в нарушение действующего законодательства заключались государственные контракты.

При подготовке документации часто возникают сложности с определением условий закупки, в частности, описанием объекта закупки. Так, анализ контрактов на закупку имущества в части описания объекта закупки позволил выделить следующие основные нарушения: двусмысленное толкование требуемых характеристик, ссылки на физические свойства материалов, проверяемые исключительно посредством лабораторных испытаний, установление требований к характеристикам, не относящимся к закупаемой продукции.

В свою очередь установление нечетких или излишних требований к объектам закупки может привести к ограничению потенциальных участников такой закупки.

Следует обратить внимание на то, что на практике возникают ситуации, когда контракт заключается на поставку товаров, работ или услуг по заявкам аффилированных юридических лиц, сфера деятельности которых не соответствует предмету закупки, в том числе — прекратившими свою деятельность. Это может привести к занижению первоначальной цены контракта до уровня, фактически исключающего участие в аукционе других потенциальных участников.

Требования, предъявляемые к участникам закупки, прежде всего касаются их способности выполнить условия контракта. К ним относятся, например, непроведение ликвидации участника закупки, неприостановление его деятельности, отсутствие у участника закупки недоимки по налогам, сборам, задолженности по иным обязательным платежам, отсутствие судимости за преступления в сфере экономики и (или) преступления, предусмотренные ст. ст. 289, 290, 291, 291¹ Уголовного кодекса Российской Федерации, отсутствие у участника закупки факта привлечения к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, отсутствие конфликта интересов между участником закупки и заказчиком. Другими словами, указанные требования можно объединить категорией отсутствия у участника закупки обстоятельств, препятствующих выполнению обязательств в рамках осуществляемой закупки.

Одной из острых проблем является принятие и оплата продукции, не соответствующей условиям государственных контрактов, с заниженными качественными и техническими характеристиками, истекшими сроками хранения или годности. В ряде случаев нарушения возникают в результате непринятия должных мер со стороны ответственных за приемку продукции сотрудников. Однако очень часто выявляются недобросовестные действия самих поставщиков. Так, при поставке продуктов питания могут возникнуть вопросы к качеству поставляемой продукции, при наличии оснований сомневаться в качестве поставляемых продуктов питания законодатель устанавливает механизм защиты для покупателя. В частности, предусмотрена возможность проведения соответствующей товароведческой экспертизы продуктов питания за счет поставщика.

Одним из существенных нарушений действующего законодательства является оплата работ или оказание услуг без получения документального подтверждения выполнения этих работ. В частности, речь

идет о ремонте компьютерной техники, автотранспорта, уборке помещений или территории, а также коммунальном и техническом обслуживании объектов недвижимости.

Значительная часть подразделений системы МВД РФ не размещали или несвоевременно размещали в единой информационной системе в сфере закупок информацию об исполнении контрактов, приеме и оплате поставленных товаров, работ, услуг по государственным контрактам, а также сведения о начислении неустоек (штрафов, пеней) в связи с ненадлежащим исполнением контрактов.

Подводя итог, отметим, что за последние годы ситуация в области исполнения контрактов для нужд МВД России значительно улучшилась. Проведение ведомственного контроля в данной сфере имеет положительную динамику, что способствует неукоснительному выполнению требований действующего законодательства.

Вместе с тем необходимо продолжить работу по обучению и повышению квалификации сотрудников контрактных служб. Предлагается, что следует идти по пути специализации сотрудников на конкретных направлениях работы (строительство, закупки продовольствия и т. д.). Это позволит более глубоко изучить и освоить тонкости процесса и снизит количество нарушений законодательства при заключении контрактов.

А. Д. Светличный

Досрочный возврат займа по инициативе заемщика в предпринимательской среде

Предпринимательская деятельность является одним из важных и обязательных элементов рыночной экономики Российской Федерации и любой другой страны. В качестве иных составляющих такой экономической модели можно назвать конкуренцию, запрет на осуществление монополистической деятельности, свободу договора, юридическое равенство участников гражданского оборота и др. Свобода договора, в частности, подразумевает, что участники рыночных отношений свободны в реализации своих диспозитивных прав при формировании договорных конструкций, облакающих их отношения в правовую форму.

Стремительный научно-технический прогресс сопровождается общественными отношениями в последние несколько десятков лет. За эти годы можно

наблюдать повсеместное проникновение достижений прогресса во все значимые области общественной жизни. Не стала исключением и сфера предпринимательской деятельности. В качестве примеров можно привести появление новых договорных форм (краудфандинг и др.) и новых спорных объектов гражданских прав (виртуальные предметы и имущество в компьютерных играх, бездокументарные ценные бумаги, аккаунты в социальных сетях и др.), новых технологий и средств платежа (технологии блокчейн, биткоин и др.). «Умные» технологии все отчетливее проявляют себя в предпринимательской среде. Использование таких «смарт-технологий» становится преимуществом в конкурентной борьбе в отдельных сферах предпринимательства. В сферу правовых отношений современные достижения прогресса начали проникать уже давно. Из последних примеров можно назвать такое явление, как чат-боты, которые способны давать юридические консультации и подбирать судебную практику по (пока еще) самым простым правовым вопросам.

Информационные технологии используются и в сфере договорного права и, конечно, договор займа. Заемные отношения часто оформляются в обороте посредством договора займа. Этот договор является одним из самых распространенных договоров, в том числе в предпринимательской среде. Проблематика, связанная с договором займа, весьма разнообразна, однако здесь хотелось бы коснуться ситуаций, когда заемщик по своей инициативе досрочно возвращает (или желает вернуть) всю сумму займа займодавцу. При этом складываются достаточно интересные отношения, часть из которых и будет здесь проанализирована.

Поскольку заявленная тема касается предпринимательской среды, то рассмотрим только отношения, складывающиеся при досрочном возврате займа, предоставленного под определенный процент. Кроме этого, не будут исследоваться ситуации досрочного возврата займа, в котором заемщиком выступает гражданин и цель займа состоит в удовлетворении личных, бытовых и иных подобных целей.

Основной нормой, регулирующей эти отношения, является ст. 810 ГК РФ (далее — ГК РФ), а именно п. 3 этой статьи. Названная норма устанавливает общее правило: досрочно вернуть заем нельзя. В то же время это правило может быть подвергнуто изменению соглашением сторон в силу ее диспозитивности, т. е. стороны в договоре могут предусмотреть отход от этого общего правила. Такое законодательное регулирование представляется обоснованным, верным и соответствующим общим началам гражданского законодательства.

Если продолжать мысль, то получится, что займодавец вправе не принимать досрочное исполнение договора в виде возврата суммы займа со сторо-

ны заемщика (следует учитывать, что мотивы такого поведения займодавца остаются за скобками). В то же время может возникнуть во многом теоретический, но все-таки небезынтересный вопрос: какие варианты возможны, если заемщик каким-либо образом все-таки досрочно вернул сумму займа. При имеющемся уровне развития умных технологий такое более чем возможно (например, безналичный перевод денежных средств на банковский счет займодавца).

Самый приемлемый вариант для предпринимателей-займодавцев здесь состоит в том, чтобы предусмотреть в договоре на этот случай начисление неустойки. Тогда будет возможно взыскать ее в судебном порядке. Другой путь находится в плоскости требования займодавцем отказа от договора из-за существенного нарушения согласованных в нем условий и, соответственно, взыскания убытков. Этот путь более длителен и затратен, но он опирается на законные основания (ст.ст. 391, 391.1 ГК РФ) и имеет положительную судебную перспективу. Есть еще один совсем «экзотический» способ: вернуть сумму займа путем депонирования ее у нотариуса в предусмотренном порядке с одновременным продолжением начисления процентов по договору. Предположить такую ситуацию можно, но в практической предпринимательской деятельности она вряд ли встречается, по крайней мере, такой судебной практики нет. Однако исходя из логики нормы, в заданных рамках положение займодавца сильнее, чем у заемщика, и возможный судебный спор должен быть разрешен в пользу первого. Противоположная логика ведет, скорее, к злоупотреблениям со стороны заемщика, а поощрять такое правопорядок не должен.

Плата за досрочный возврат суммы займа — вопрос, на котором также не будет лишним здесь остановиться. Как и к любому договору, к займу применима ст. 310 ГК РФ, по смыслу которой, если сторона желает в одностороннем порядке изменить договор, то другая сторона взамен может претендовать на плату, установленную соглашением. Конечно, если право на досрочный возврат прямо закреплено в законе, то такая плата недействительна. На практике взимание такой платы весьма распространено, и суды смотрят на это положительно (комиссия за досрочное погашение кредита (займа)). Кроме того, суды могут корректировать размер платы в сторону ее уменьшения – это не противоречит закону. Однако представляется, что вполне реально допустить ситуацию, когда плата за досрочный возврат займа не предусмотрена в договоре, но заемщик заявит о желании согласовать размер такой платы позднее. Представляется, что в этом случае само соглашение не противоречит закону и принципам гражданского права (свободы договора, равенства, добросовестности) и должно признаваться судами

и практикой. Причем, в отличие от предыдущей ситуации, суды снижать размер установленной дополнительным соглашением платы за возврат уже не должны, ибо это будет приводить к излишнему и необоснованному вторжению в свободные, договорные отношения субъектов предпринимательской деятельности. Такая судебная корректировка должна применяться только в случае явной недействительности сделки (признаки кабальности, притворности и мнимости, угрозы применения насилия и др.).

Д. А. Тоточенко

О выкупной цене земельных участков, изымаемых для государственных или муниципальных нужд

О том, что никто не может быть лишен принадлежащего ему имущества без решения судебных органов, говорится в ст. 35 Конституции Российской Федерации. Отчуждение имущества для нужд публично-правовых образований в соответствии с законодательством возможно лишь в случае равноценного возмещения его стоимости.

При этом стоимость изымаемого земельного участка устанавливается в соответствии с п. 2 ст. 281 ГК РФ и может включать рыночную стоимость земельного участка, а также недвижимого имущества, находящегося на нем. Кроме того, собственнику компенсируются все убытки, которые были причинены ему в ходе изъятия земельного участка. К таковым можно отнести убытки, которые собственник понес из-за невозможности выполнить свои обязательства перед другими субъектами. Сюда можно отнести и упущенную выгоду.

В научной литературе присутствует точка зрения, что в целях установления размера компенсации правообладателю при изъятии земельного участка для нужд публично-правовых образований целесообразно применять так называемую кадастровую стоимость земли. По мнению М. А. Губанищевой, при изъятии земельных участков для государственных и муниципальных нужд применение рыночной стоимости для оценки может привести к неоправданному вложению больших средств и к возникновению споров. В связи с этим необходимо за основу расчета брать кадастровую стоимость изымаемой земли [1, с. 137].

В случае изъятия земельных участков для нужд публично-правовых образований определение размера компенсации с применением кадастровой стоимости не будет в полной мере способствовать защите прав владельцев земли, так как последние окажутся лишенными компенсации по реальной рыночной стоимости. Полагаем, что в подобной ситуации невозможно признать возмещение равноценным.

В настоящее время по-прежнему дискуссионным является вопрос об определении даты, в соответствии с которой необходимо осуществлять расчет выкупной цены при изъятии земельного участка для нужд публично-правовых образований. Существует позиция, согласно которой выкупную стоимость для равноценности возмещения необходимо определять днем, когда произошло уведомление владельца земли о регистрации принятого решения об изъятии [2, с. 5].

Имеет место также прямо противоположная точка зрения о том, что расчет выкупной стоимости на день принятия решения об изъятии земли не согласуется с принципом возмещения убытков в полном объеме, так как с даты, когда принималось решение об изъятии, и до самого выкупа обычно проходит продолжительное время, и цена за этот период может измениться. В связи с этим определение выкупной стоимости и расчет причиненных убытков целесообразно осуществлять в соответствии с датой достижения соглашения о выкупе земельного участка [3, с. 271].

При недостижении соглашения относительно выкупной стоимости ее размер целесообразно определять с учетом интереса правообладателя земельного участка как наименее защищенной стороны в подобных правоотношениях. Поэтому, рассчитывая выкупную стоимость изымаемой земли, определять размер компенсации необходимо по самой выгодной для владельца рыночной стоимости, которая была с момента принятия решения, связанного с изъятием.

Верховный Суд Российской Федерации установил, что, определяя размер упущенной выгоды, которая может возникнуть при изъятии земельного участка для нужд публично-правовых образований, необходимо в обязательном порядке учитывать доходы владельца, которые могли быть получены в случае последующего использования земли при наличии тех условий, которые сложились до принятия данного решения, связанного с изъятием [4].

При этом необходимо учитывать вид деятельности, которая осуществлялась на земельном участке, а также действия, направленные на получение дохода, которые были предприняты правообладателем

до принятия решения об изъятии и были осуществлены в целях получения прибыли.

Например, доказательством возможной прибыли юридического лица при осуществлении деятельности, связанной с сельским хозяйством, могут быть документы о финансовом состоянии предприятия за определенный промежуток времени. Так, документами бухгалтерского учета могут быть подтверждены факты осуществления затрат хозяйствующим субъектом на возделывание сельскохозяйственных культур.

Существует специфика, связанная с определением выкупной стоимости изымаемых участков, которые предоставлены в пользование и владение, т. е. не находятся на праве собственности у правообладателя, а принадлежат ему на иных правах. Выкупная цена таких земельных участков определяется путем оценки находящейся на такой земле недвижимости (здания, сооружения и т. д.), в расчет берутся также упущенная выгода и убытки, причиненные владельцу изъятием. При этом рыночная цена самого изымаемого земельного участка не входит в выкупную стоимость.

Указанное положение вызвано тем, что собственник подобного земельного участка (государство или орган местного самоуправления), который находится у правообладателя лишь в пользовании и владении, не меняется. Поэтому в подобной ситуации не приходится говорить о выкупе. Таким образом, рыночная стоимость земельного участка, принадлежащего правообладателю не на праве собственности, в выкупную цену не входит.

Соответственно иски, связанные с возмещением рыночной цены изымаемых земельных участков, которые находятся в пользовании и владении, не удовлетворяются.

Так, в Арбитражный суд обратился Департамент градостроительства Приморского края с требованием к ООО об изъятии земельного участка. ООО обратилось в суд со встречным иском, в котором требовало обязать Департамент выплатить рыночную цену земельного участка, подлежащего изъятию.

В ходе рассмотрения дела был определен размер убытков, которые причинены обществу в связи с изъятием земельного участка. Размер убытков был установлен путем сложения неполученных доходов, которые могли быть получены при обычных условиях гражданского оборота, и расходов, связанных с налогообложением. При определении размера убытков, причиненных изъятием участка, был учтен

факт отсутствия на земельном участке зданий, строений, сооружений, многолетних культурных насаждений, а также посевов сельскохозяйственных культур. Общество не понесет убытков, связанных с утратой таких объектов, а следовательно, реальный ущерб ответчику причинен не будет.

Суд, отклоняя доводы ООО о необходимости применения к спорным правоотношениям положений о выкупе земельных участков, изымаемых для государственных нужд, с выплатой рыночной стоимости земли и компенсации убытков правомерно руководствовался положениями п. 2 ст. 15, ст. ст. 279–283 ГК РФ, ст. ст. 20, 57 ЗК РФ, ч. 2 ст. 6 ФЗ № 93-ФЗ, Правил возмещения убытков и исходил из различного объема правомочий, предоставленных собственнику земельного участка и обладателю права постоянного (бессрочного) пользования участка, собственником которого является Российская Федерация, и из самого содержания права постоянного (бессрочного) пользования [5].

В заключение отметим, что в случае изъятия для нужд публично-правовых образований земельных участков, которые предоставлены в пользование и владение, их выкупная стоимость устанавливается в соответствии со стоимостью объектов недвижимости, которые располагаются на этом земельном участке, а также упущенной выгодой и убытками, которые были причинены правообладателю в связи с изъятием.

Список источников

1. Губанищева М. А. Кадастровая стоимость как основа расчета размера возмещения за земельные участки, изымаемые для государственных или муниципальных нужд // Инвестиции, строительство, недвижимость как материальный базис модернизации и инновационного развития экономики : мат-лы VI международной науч.-практ. конф. Томск, 2016.

2. Булацкая Н. Г. Возмещение убытков при изъятии земельных участков для государственных или муниципальных нужд // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. 2015. № 2.

3. Мозолин В. П., Малеина М. Н. Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, Части первой (постатейный). М., 2004.

4. Обзор судебной практики по делам, связанным с изъятием для государственных или муниципальных нужд земельных участков в целях размещения объектов транспорта (утв. Президиумом Верховного

Суда РФ 10 декабря 2015 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 4. Апрель.

5. *Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 5 июня 2012 г. по делу № Ф03-2070/2012.* Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

О. С. Филиппова

Цифровизация источников гражданского права: постановка проблемы

Тема цифровизации сегодня звучит постоянно из самых разных источников информации. Крайне актуальна эта тема и для юристов. «Цифровизация — это повсеместное внедрение цифровых технологий в разные сферы жизни: промышленность, экономику, образование, культуру, обслуживание и т. п.» [1]. Это явление вызвано стремительным развитием информационных технологий, микроэлектроники и коммуникаций в большинстве стран мира.

Влияние цифровизации на современную жизнь давно уже привлекает внимание философов, ученых-правоведов. В целом поддерживая идею цифровизации системы образования, доктор философских наук О. Н. Смолин считает, что в нормальном (не пандемическом) режиме цифровизация должна соответствовать уровню и возрасту детей («в начальной школе с ней нужно быть крайне осторожными, в основной школе она может быть представлена несколько шире, в старшей школе — еще шире»), а сами информационные технологии должны быть не заменой, а помощником учителя [2].

Говорят о цифровизации в налоговом администрировании. Так, в рамках федерального проекта «Цифровое государственное управление» планируется следующее:

- развитие удостоверяющего центра ФНС (УЦ ФНС) для обеспечения юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и нотариусов квалифицированной электронной подписью;
- создание цифровой платформы для обмена сведениями о налогоплательщике при оказании финансовых и иных услуг, что позволит оценивать налогоплательщиков на основании данных ФНС;
- создание цифровой аналитической платформы и передача данных в органы государственной власти и др. [3].

Осуществляется цифровизация ипотеки (электронные закладные).

Перевод рынка ипотечного кредитования в электронный формат и переход на обслуживание заемщика в режиме онлайн предусматривает федеральный проект «Ипотека». Возможность оформления электронных закладных появилась с 1 июля 2018 г., когда соответствующие изменения были внесены в законодательство об ипотеке. И если с этого момента до сентября 2019 г. было выпущено 740 электронных закладных, из которых 651 — в сентябре 2019 г., то затем за год Сбербанк выпустил более 60 тыс. электронных закладных. Сбербанк при этом работал в пилотном режиме с российской блокчейн-платформой «Мастерчейн», а со второго полугодия 2020 г. начал параллельную промышленную эксплуатацию системы учета электронных закладных по сделкам с недвижимостью в «Мастерчейн» и в системах банка [4].

13 июля 2020 г. вышло письмо Минфина 24-06-08/60818 «О цифровизации государственных (муниципальных) закупок в Российской Федерации», которым была введена единая информационная система в сфере закупок (далее — ЕИС). ЕИС обеспечивает формирование и хранение информации в отношении всех этапов осуществления закупки (от планирования закупки до оплаты товаров, работ, услуг), в том числе для целей проведения уполномоченными органами контрольных мероприятий, общедоступность и безвозмездное предоставление такой информации (за исключением информации и документов, размещение которых в ЕИС Законом № 44-ФЗ не предусмотрено), информационное взаимодействие с электронными площадками для осуществления закупок, государственными и иными информационными системами, в том числе позволяющее получать информацию и документы в автоматическом режиме.

Следует согласиться с Д. Р. Алимовой в том, что законодательство, будучи гибким, хотя и неизбежно отстающим от реального состояния общественных отношений государственным регулятором, стремится охватить все существенные изменения в обществе и соответствующим образом реагировать на них [5].

По нашему мнению, цифровизация проникает непосредственно и в правовую материю. Постепенно происходит цифровизация источников права. Речь не идет о том, что нормативные правовые акты размещаются на официальном сайте. Мы говорим о постепенной трансформации традиционных источников права в цифровую форму.

Приведем пример. Федеральным законом от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального

налогового режима „Налог на профессиональный доход“» в ст. 3 описывается мобильное приложение «Мой налог» — программное обеспечение федерального органа исполнительной власти, уполномоченного по контролю и надзору в области налогов и сборов, применяемое физическими лицами с использованием компьютерного устройства (мобильного телефона, смартфона или компьютера, включая планшетный компьютер), подключенного к информационно-телекоммуникационной сети Интернет в случаях, предусмотренных настоящим Законом.

В пункте 9 названной статьи в случае возникновения в информационных системах налоговых органов технологического сбоя, влекущего невозможность исполнения предусмотренных настоящим федеральным законом обязанностей налогоплательщиков, такие обязанности считаются исполненными без нарушения срока, при условии, что они исполнены не позднее дня, следующего за днем устранения указанного сбоя.

Однако в случае несовершенства законодательства и появления противоречия между федеральным законом и приложением, являющимся частью этого же закона, чему будет отдано предпочтение? Что должно применяться: норма закона или правила приложения? А если будет применяться приложение (куда внести «поправки» быстрее, чем в закон), то не появятся ли тогда у нас новые цифровые источники гражданского права? Отмечу, что это не просто какая-то гипотетическая ситуация. Например, данное приложение содержит примерный перечень видов деятельности, которыми может заниматься самозанятый.

Приведенный случай, разумеется, не единичный. Федеральный закон от 22 мая 2003 г. № 54-ФЗ «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении расчетов в Российской Федерации» в пп. 3.1 п. 3 ст. 1.2 устанавливает правило, в соответствии с которым в случае, если обязанность по предоставлению кассового чека (бланка строгой отчетности) обеспечивается путем отражения QR-кода, который позволяет покупателю (клиенту) осуществить его считывание и идентифицировать кассовый чек (бланк строгой отчетности) и структура данных которого включает в себя дату и время осуществления расчета, порядковый номер фискального документа, признак расчета, сумму расчета, заводской номер фискального накопителя, фискальный признак документа (далее — QR-код), на дисплее компьютерного устройства пользователя или печати такого QR-кода на бланке документа в случаях, предусмотренных настоящим Федеральным законом, получение кассового чека (бланка строгой отчетности) в электронной форме

с реквизитами осуществляется покупателем (клиентом) самостоятельно, с использованием информационного сервиса уполномоченного органа, порядок использования которого определяется уполномоченным органом, или официального программного средства уполномоченного органа для мобильного телефона, смартфона или иного компьютерного устройства (далее — мобильное приложение уполномоченного органа) путем считывания указанного QR-кода с использованием мобильного телефона, смартфона или иного компьютерного устройства покупателя (клиента), который обеспечивает доступ покупателя (клиента) к такому информационному сервису уполномоченного органа или указанному мобильному приложению уполномоченного органа.

В связи с изложенным возникают вопросы. Чем выступают вышеназванные единые информационные системы, электронные базы, сервисы, приложения по отношению к нормативным правовым актам? Или их можно классифицировать и тогда ответить на этот вопрос? Что делать, если между такой базой, электронным сервисом, приложением и законом возникло противоречие? Как решать эту коллизию?

Ответа на эти вопросы пока нет, но однозначно можно сказать, что мы столкнулись с новыми задачами, которые ставит нам время, и право уже совсем не успевает за бурно развивающимися отношениями субъектов гражданского права, скорость которым задает цифровизация.

Список источников

1. *Интернет-словарь*//URL:<https://www.gd.ru/articles/10334-tsifrovi-zatsiya> (дата обращения: 20.05.21).
2. *Ключевская Н.* Что изменится для школьников и учителей с 1 сентября: принятые и планируемые решения. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
3. *Зобова Е. П.* План деятельности ФНС на 2021 год // Актуальные вопросы бухгалтерского учета и налогообложения. 2021. № 4.
4. *Лисицын А.* Новое законодательство о цифровых финансовых активах: перспективы для банковского бизнеса // Расчеты и операционная работа в коммерческом банке. 2020. № 4.
5. *Алимова Д. Р.* Российское законодательство и цифровизация: некоторые аспекты взаимовлияния // Законодательство. 2021. № 3.

О. С. Черепанова

К вопросу об объеме и составе регрессных требований, предъявляемых к сотрудникам органов внутренних дел при незаконном привлечении лиц к административной ответственности

Как известно, незаконные действия сотрудников органов внутренних дел (далее — ОВД) не только подрывают доверие граждан и наносят МВД России значительный репутационный вред, но и влекут имущественную ответственность Российской Федерации в соответствии с нормами гражданского и бюджетного законодательства. Поэтому вопрос о повышении эффективности защиты интересов казны Российской Федерации, в том числе путем обращения в суд с регрессными требованиями к непосредственным причинителям вреда, не теряет своей значимости. При этом особую актуальность и остроту имеет проблема привлечения к регрессной ответственности сотрудников ОВД как следствие возмещения за счет казны вреда, причиненного незаконным привлечением лиц к административной ответственности.

Анализ сложившейся к настоящему моменту правоприменительной практики по озвученной проблеме приводит к выводу о наличии серьезных противоречий и разногласий, относящихся как к порядку установления условий регрессной ответственности, так и к определению ее размера. При этом по вопросам установления вины и противоправности сотрудников ОВД в целях удовлетворения предъявленного к нему регрессного иска выработаны относительно устойчивые правовые позиции, основанные на том, что отмена или изменение решения, принятого сотрудниками ОВД при осуществлении служебных обязанностей, не должны рассматриваться как достаточное основание для возмещения ими вреда в порядке регресса.

В отношении же определения размера регрессной ответственности и состава регрессных требований судебная практика не столь единодушна. Видится, что ключевыми проблемами, требующими своего научного осмысления и практического разрешения, являются вопросы возможности (или невозможности) ограничения размера регрессного возмещения на основании норм трудового законодательства, а также обоснованности включения в состав регрессных требований расходов на оплату услуг представителя и компенсации морального вреда.

Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные

акты Российской Федерации» [1] (далее — Закон о службе) по вопросу ответственности сотрудников ОВД содержит два правила (ст. 15). Первое устанавливает возможность в случае возмещения Российской Федерацией вреда, причиненного противоправными действиями (бездействием) сотрудника, предъявления МВД России обратного требования (регресса) к сотруднику в размере выплаченного возмещения (ч. 5 ст. 15). Второе определяет, что «за ущерб, причиненный федеральному органу исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориальному органу, подразделению, сотрудник органов внутренних дел несет материальную ответственность в порядке и случаях, которые установлены трудовым законодательством» (ч. 6 ст. 15).

Названные правила понимаются и толкуются судами по-разному. Одинаково распространены позиции как о том, что правоотношения сторон в части, касающейся материальной (в том числе регрессной) ответственности сотрудников ОВД, регулируются нормами Трудового кодекса РФ, так и о том, что нормы, содержащиеся в ч. 5 и ч. 6 ст. 15 Закона о службе, имеют разное содержание и правовое значение, поскольку относятся к правоотношениям, имеющим отличную друг от друга правовую природу. Часть 5 ст. 15 Закона о службе регулирует гражданско-правовые отношения, связанные с причинением внедоговорного вреда и порядком его возмещения, в то время как ч. 6 ст. 15 Закона о службе опосредует трудовые (служебные) взаимоотношения сотрудника как работника и органа внутренних дел как работодателя.

Полагаем, что к регрессным обязательствам с участием сотрудников полиции нормы трудового права об ограниченной материальной ответственности должны применяться тогда, когда действия сотрудников не связаны с реализацией властно-административных полномочий и вред возмещается органом внутренних дел за счет имущества и денежных средств, находящихся в его оперативном управлении, на основании общей нормы, закрепленной в ст. 1068 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) об ответственности юридического лица за вред, причиненный его работниками (например, в случаях виновного совершения сотрудниками ОВД дорожно-транспортных происшествий на служебных автомобилях). Если же вред, причиненный сотрудником ОВД, возмещается по правилам, предусмотренным ст. ст. 1069 и 1070 ГК РФ, сумма возмещения взыскивается именно с казны Российской Федерации, а не за счет имущества, переданного государством в оперативное управление МВД России. Поэтому предъявление регрессного требования основывается на п. 3.1. ст. 1081 ГК РФ, а его размер в соответствии

с ч. 5 ст. 15 Закона о службе соответствует размеру выплаченного возмещения. Причем в данной норме оговорка «если иной размер не установлен законом» отсутствует.

Кроме того, на практике возникает вопрос об обоснованности включения в состав регрессного возмещения судебных расходов, которые понес потерпевший (в частности, на услуги представителя), а также выплаченной ему компенсации морального вреда. Широкое распространение имеет следующий подход к оценке регрессного вреда: если решение суда о его возмещении за счет казны исполнено в полном объеме (включая услуги представителя, компенсацию морального вреда), факт причинения ущерба в заявленной сумме подтвержден, то эта сумма и подлежит взысканию с непосредственного причинителя [2]. Однако существует и противоположная позиция. Например, в одном из дел суд указал, что «судебные расходы, как на оплату услуг представителя, так и по оплате госпошлины по гражданскому делу, взысканные с Российской Федерации, не могут быть взысканы в порядке регресса с сотрудника, так как не подпадают под понятие прямого действительного ущерба, возникшего вследствие причинения вреда при исполнении трудовых обязанностей, и не являются убытками по смыслу статьи 15 Гражданского кодекса Российской Федерации» [3]. Аналогичный подход существует и в отношении исключения из размера регрессного возмещения компенсации морального вреда, так как «с учетом ее правовой природы она не может быть признана убытками по смыслу действительного прямого ущерба, который заложен в нормах трудового законодательства» [4].

В этом отношении интерес представляет разъяснение Конституционного Суда Российской Федерации в одном из последних постановлений [5], согласно которому предъявление при наличии оснований уполномоченным органом в регрессном порядке требований о возмещении соответствующих государственных расходов к лицу, виновные действия (бездействие) которого обусловили необоснованное возбуждение дела об административном правонарушении, является допустимым и оправданным.

В отношении компенсации морального вреда дополнительно следует отметить, что включение ее в состав регрессного требования будет зависеть от первоначального решения судом вопроса об обоснованности ее взыскания за счет казны. В судебной практике распространена позиция, согласно которой сам факт незаконного привлечения лица к административной ответственности обуславливает его право на эту

компенсацию, поскольку, безусловно, причиняет нравственные переживания по указанному поводу, а также создает неудобства от необходимости принимать меры к своей защите [6]. Однако данный подход существенно скорректирован Конституционным Судом РФ в вышеуказанном постановлении. Суд разъяснил, что условием взыскания такой компенсации является вина причинителя вреда, если иное не установлено законом. Из этого следует, что когда вред из казны возмещается потерпевшему в порядке ст. 1069 ГК РФ, компенсация морального вреда включается в объем возмещения при установлении вины государственного органа или должностного лица. Если же вред возмещается в порядке ст. 1070 ГК РФ, то для компенсации морального вреда вина юридического значения не имеет. При этом прекращение производства по делу само по себе не означает факта установления незаконности действий должностного лица по составлению протокола об административном правонарушении и не влечет безусловной компенсации гражданину морального вреда за действия государственного органа.

Таким образом, четкие и понятные законодательные предписания в отношении объема и состава регрессных требований в настоящее время отсутствуют. Это фактически предоставляет судьям возможность разрешать дела соответствующей категории исключительно по своему внутреннему убеждению. Однако представляется, что решение судами тех или иных вопросов не может полностью зависеть от того, какую из существующих противоположных правовых позиций решит избрать в конкретном случае суд. Поэтому задача законодателя, в том числе на основе проанализированных разъяснений Конституционного Суда РФ, — устранить существующую юридическую неопределенность, ограничив тем самым широту судебского усмотрения и обеспечив единообразный порядок привлечения к регрессной ответственности сотрудников ОВД.

Список источников

1. *О службе* в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *Решение* Дзержинского районного суда г. Волгограда от 16 мая 2017 г. по делу № 2-7764/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 17.04.2021).

3. *Решение* Советского районного суда г. Нижнего Новгорода от 30 июля 2020 г. по делу № 2-1202/2020 // Судебные и нормативные

акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 20.04.2021).

4. *Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 31 марта 2020 г. по делу № 88-6479/2020* // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 20.04.2021).

5. *Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июля 2020 г. № 36-П «По делу о проверке конституционности статей 15, 16, части первой статьи 151, статей 1069 и 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьи 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1, 2 и 3 статьи 24.7, статей 28.1 и 28.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также статьи 13 Федерального закона «О полиции» в связи с жалобами граждан Р. А. Логинова и Р. Н. Шарафутдинова»* // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 30, ст. 4999.

6. *Решение Серышевского районного суда Амурской области от 4 июня 2013 г. по делу № 2-217/2013* // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 21.04.2021).

А. В. Честнов

Конституционное регулирование приоритета семейного воспитания в Российской Федерации

Принятые поправки в Конституцию РФ в ч. 4 ст. 67.1 закрепили положение о том, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Государство обеспечивает приоритет семейного воспитания и берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения. Поправка фиксирует основной тезис: семья, дети выступают главной гарантией успешного будущего России.

Сформулированное положение раскрывает вектор государственной политики. Сохранение права ребенка воспитываться в семье — это

приоритетный вопрос, о чем свидетельствует закрепление в Основном законе государства. Согласно обновленной Конституции, в совместном ведении Российской Федерации и субъектов РФ будут находиться вопросы защиты материнства, отцовства и детства.

Повышение социальной значимости семьи, укрепление брачно-семейных отношений — все это имеет непосредственное отношение к дальнейшему развитию страны. Семья является основой как общества, так и государства.

Во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., Конвенции Организации Объединенных Наций о правах ребенка 1989 г. отмечается, что семье как естественной среде для роста и благополучия всех ее членов, особенно детей, должны быть предоставлены необходимые защита и содействие.

Государственная семейная политика предполагает сохранение традиционных семейных ценностей и повышение роли семьи в жизни общества. А традиционные семейные ценности — это, по существу, и есть семья, материнство, отцовство, детство. Как отметил Конституционный Суд РФ в постановлении от 23 сентября 2014 г. № 24-П, по смыслу ст. 38 Конституции РФ, семья, материнство и детство представляют собой те ценности, которые обеспечивают непрерывную смену поколений, выступают условием сохранения и развития многонационального народа [1].

На сегодняшний день достаточное количество нормативно-правовых актов регулируют вопросы семьи, воспитания, материнства и детства. В связи с динамикой развития современного общества необходимо обратить внимание на актуализацию положений нынешнего законодательства.

Например, новую редакцию «Семейного кодекса РФ», по мнению теоретиков, нужно адаптировать к современным реалиям, в том числе законодательно оформить такие «новые формы и виды социальной реальности», как сожительство, патронатное воспитание и т. д. В нынешнем же законодательстве до сих пор четко не прописаны такие понятия, как «молодая семья», «многодетная семья». Кроме того, сейчас количество семей, в которых единственным родителем является мать, составляет почти треть.

По итогам 2018 г., почти 23% российских детей до 18 лет жили в семьях с уровнем денежных доходов ниже прожиточного минимума, как следует из результатов исследования Росстата «Социально-экономические индикаторы бедности». Данные показатели свидетель-

ствовали о недостаточности разработанных мер в отношении семей в России.

Современные обстоятельства, связанные с пандемией коронавируса, подтолкнули государственный аппарат оперативно разработать комплекс дополнительных мер экономической поддержки семей: получение от государства единовременных выплат, продление программы материнского (семейного) капитала.

Сложившиеся обстоятельства позволяют сделать вывод о приоритете семейного воспитания, сохранении семейных ценностей в государстве в соответствии с Конституцией РФ как основе государственного развития.

Список источников

1. *По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н. А. Алексева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова* : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 сентября 2014 г. № 24-П. URL: <https://rg.ru/2014/10/03/sud-dok.html>. (дата обращения: 25.04.2021).

А. В. Шпак

К вопросу об ответственности за причинение вреда сотрудником органов внутренних дел

Сотрудники органов внутренних дел наделены широкими полномочиями, чтобы выполнять возложенные на них обязанности. Деятельность сотрудников органов внутренних дел сопряжена с высокими рисками и стрессовыми ситуациями. Поэтому в тех случаях, когда сотрудником органов внутренних дел были применены физическая сила, специальные средства либо же огнестрельное оружие, могут наступить негативные последствия. Вред, причиненный должностным лицом, в частности, сотрудником органов внутренних дел, подлежит возмещению. Данное положение отражено в подзаконных актах МВД России.

Противоправные действия или бездействие должностных лиц правоохранительных органов, в результате которых гражданам был причинен вред, являются основанием для привлечения к ответственности сотрудников органов внутренних дел.

Материальная и гражданская ответственность сотрудников органов внутренних дел обусловлена выполняемой ими деятельностью, а также тем, что данные лица являются представителями власти. Конечно же, гражданская и материальная ответственность имеют отличительные признаки [1, с. 37]. С одной стороны, возмещение ущерба осуществляется за счет средств государственного бюджета, при этом ответственность несет государственный служащий. Правонарушитель, являющийся государственным служащим, не несет ответственности перед людьми, пострадавшими от его противоправных действий или бездействия, поскольку согласно закону государственные служащие не входят в число субъектов гражданских правоотношений. С другой стороны, возмещение вреда, причиненного неправомерными действиями должностного лица, осуществляется в порядке, установленном Гражданским кодексом Российской Федерации. Особенностью является то, что финансовая ответственность должностного лица не исключает возможности наложения административного наказания или применения дисциплинарного взыскания.

Возмещение ущерба осуществляется за счет средств казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны соответствующего муниципального образования.

Гражданский кодекс РФ содержит множество положений, которые точно указывают на определенные формы вины: п. 3 ст. 401 ГК РФ, п. 1 ст. 693 ГК РФ, п. 4 ст. 720 ГК РФ и др.

Конституционный Суд Российской Федерации не смог сформулировать определенные критерии (по крайней мере, очень показательные), чтобы отличить простую халатность от грубой халатности. Конституционный Суд Российской Федерации ограничился вопросом о том, является ли халатность потерпевшего грубой или простой халатностью, не влияющей на размер компенсации за ущерб. Поэтому размер компенсации причиненного вреда решается в каждом случае судом с учетом особых обстоятельств.

Так, в случае нанесения гражданину телесных повреждений сотрудником органов внутренних дел, безусловно, он привлекается к ответственности, и наказание выбирается в зависимости от причиненного вреда здоровью. После того как сотрудник органов внутренних

дел будет признан виновным в превышении служебных полномочий, ему может быть предъявлен иск о взыскании средств, потраченных потерпевшим на восстановление здоровья.

Сотрудники полиции призваны защищать граждан от противоправных посягательств преступников, но бывают ситуации, когда сами сотрудники правоохранительных органов совершают противоправные деяния [2, с. 71]. С превышением должностных полномочий со стороны сотрудников полиции могут столкнуться не только правонарушитель (преступник), но и законопослушные граждане. Если у сотрудника правоохранительных органов не было веских причин для применения силы против гражданина, такое деяние будет подпадать под действие ст. 286 Уголовного кодекса Российской Федерации.

В случае применения хотя бы одного из видов воздействия сотрудники полиции должны стремиться минимизировать причиненный ущерб. Если при задержании человек получил серьезные травмы, эти действия сотрудника полиции можно охарактеризовать как злоупотребление властью, даже если были причины для применения силы.

Если сотрудник полиции признан судом виновным, то с него можно взыскать денежные средства на лечение и восстановление здоровья потерпевшего. Для получения компенсации в полном объеме необходимо сохранять все чеки и квитанции из медицинских учреждений и аптек, чтобы установить точную сумму, потраченную на услуги врачей и покупку медицинских препаратов.

При рассмотрении исков о возмещении вреда здоровью к исковому заявлению необходимо приложить все собранные документы. Суд рассмотрит обстоятельства дела и вынесет решение о компенсации медицинских расходов на восстановление здоровья.

Таким образом, основанием для юридической ответственности должностных лиц органов внутренних дел является совершение ими противоправного действия или бездействия, последствиями которых был причинен ущерб. Данный ущерб возмещается за счет средств федерального бюджета.

При рассмотрении дел о возмещении вреда, причиненного в результате противоправных действий должностных лиц или их бездействия, расчет суммы возмещения производится на основании представленных доказательств. В этом случае доказательства должны соответствовать юридическим требованиям допустимости и относимости.

За совершение противоправных действий или при преступном бездействии должностных лиц действующим законодательством Рос-

сийской Федерации предусмотрено привлечение сотрудников к следующим видам ответственности: административной, дисциплинарной, уголовной, а также материальной и гражданско-правовой.

Список источников

1. *Гинц Е. М.* Возмещение вреда, причиненного сотрудниками полиции // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 6.

2. *Эрделевский А. М.* Ответственность за причинение вреда // Закон. 2016. № 12.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алгазин Игорь Иванович — доцент кафедры гражданского права Сибирского юридического университета (г. Омск), кандидат юридических наук.

Алтынбаева Лилия Мударисовна — заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Омской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Анохин Сергей Александрович — доцент кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Белецкий Даниил Александрович — преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Омской академии МВД России.

Воротников Сергей Николаевич — заместитель начальника тыла Управления организации тылового обеспечения УМВД России по Омской области.

Жданова Александра Николаевна — доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Омской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Засыпкин Михаил Александрович — доцент кафедры конституционного и муниципального права Омской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Кабанова Юлия Сергеевна — доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.

Карпов Константин Валерьевич — начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Квасников Евгений Сергеевич — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России.

Кошелев Евгений Викторович — доцент кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Лебедев Сергей Валериевич — преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Омской академии МВД России.

Максимов Виталий Алексеевич — преподаватель колледжа «ПетроСтрой-Сервис» (г. Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент.

Пономарева Юлия Владимировна — главный эксперт-специалист Управления организации капитального строительства Департамента тыла МВД России (г. Москва).

Светличный Алексей Дмитриевич — старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Омской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Тоточенко Денис Алексеевич — доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Филиппова Олеся Сергеевна — доцент кафедры гражданского права Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, кандидат юридических наук, доцент.

Черепанова Ольга Сергеевна — начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Честнов Александр Владимирович — преподаватель кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России.

Шпак Андрей Викторович — доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Алгазин И. И. Отдельные особенности возмещения вреда, причиненного транспортным средством	3
Алтынбаева Л. М. Проблемы, возникающие при применении п. 6 ст. 132 ГПК РФ	7
Алтынбаева Л. М., Квасников Е. С. Охрана труда несовершеннолетних	9
Анохин С. А. Внедоговорные основания приобретения права собственности на земельные участки	12
Белецкий Д. А. Право автора на неприкосновенность произведения.	15
Воротников С. Н. Правовая защищенность сотрудников органов внутренних дел	18
Жданова А. Н. Перерыв судебного заседания в гражданском процессе: законодательное регулирование и проблемы правоприменения	22
Засыпкин М. А. Цифровизация как условие реализации прав и свобод.	24
Кабанова Ю. С. К вопросу о законности получения согласия несовершеннолетних при помещении их в специализированные учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации.	26
Карпов К. В. К вопросу о существенных условиях договора доверительного управления наследственным имуществом	29
Квасников Е. С. Охрана труда самозанятых граждан	32
Кошелев Е. В. Права и свободы человека и гражданина в условиях цифровизации российского общества.	35

Лебедев С. В. К вопросу о недобросовестности действий супругов при разделе движимого имущества	37
Максимов В. А. Границы частноправового регулирования отношений в образовательной сфере	40
Пономарева Ю. В. Анализ основных проблем, связанных с исполнением контрактов для нужд МВД России	43
Светличный А. Д. Досрочный возврат займа по инициативе заемщика в предпринимательской среде	46
Тоточенко Д. А. О выкупной цене земельных участков изымаемых для государственных или муниципальных нужд	49
Филиппова О. С. Цифровизация источников гражданского права: постановка проблемы	53
Черепанова О. С. К вопросу об объеме и составе регрессных требований, предъявляемых к сотрудникам органов внутренних дел при незаконном привлечении лиц к административной ответственности	57
Честнов А. В. Конституционное регулирование приоритета семейного воспитания в Российской Федерации	61
Шпак А. В. К вопросу об ответственности за причинение вреда сотрудником органов внутренних дел	63
Сведения об авторах	67

Электронное научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Редактирование О. В. Арефьева
Корректурa Л. И. Замулло
Технический редактор М. Ю. Чалкова

Омская академия МВД России
Редакционно-издательский отдел
644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7

Подписано к использованию 23.12.2021.
Объем данных 2,7 Мб. 1 электронный оптический диск (DVD-ROM).
Тираж 30 экз. Заказ № 11 эл.